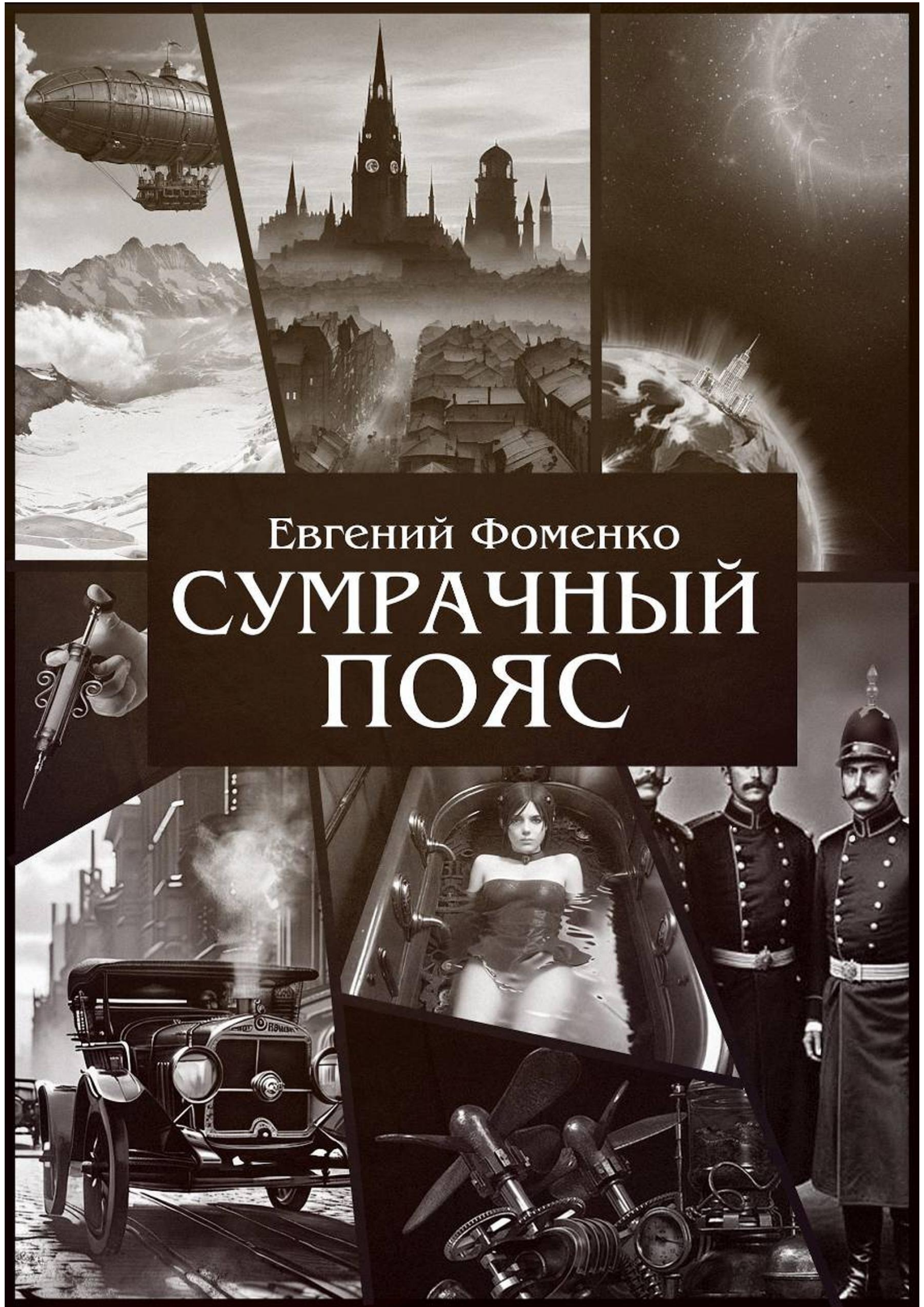

Евгений Фоменко

СУМРАЧНЫЙ ПОЯС

Евгений Фоменко

Сумрачный пояс

«Автор»
2026

Фоменко Е.

Сумрачный пояс / Е. Фоменко — «Автор», 2026 — (Сумрачный пояс)

Из-за череды катастроф Земля теперь обращена к Солнцу лишь одной стороной. Половина планеты превратилась в выжженную пустыню, над которой не заходило солнце, а другая — в заснеженную равнину, где царила вечная ночь. Пригодной для жизни осталась лишь узкая сумеречная полоса, разделяющая полушария. Люди хоть и не впали в варварство, но застыли в развитии на уровне конца XIX века. Миром правил пар.Даже спустя поколения человечество так и не смогло до конца адаптироваться к вечному полумраку. Лунатизм и прочие расстройства сна стали обыденностью. Поэтому врачи-сомнологи получили в обществе особый статус. Их ценили. Их уважали. Их боялись. Первая книга цикла.

© Фоменко Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1 9
Глава 2 16
Глава 3 26
Глава 4 33
Глава 5 40
Глава 6 48
Глава 7 56
Г 64
Конец ознакомительного фрагмента. 65

Сумрачный пояс

Пролог

«…тут стоит напомнить, что сбежавшие из-под стражи негодяи являются ярыми сторонниками луддизма. Это они полгода назад разгромили фабрику паровых механизмов, чем нанесли немалый ущерб. Спрашивается, доколе? Доколе городская тюрьма будет напоминать проходной двор? Может достопочтенному господину директору пора переименовать свое заведение в гостиницу? По моему скромному разумению, этому гостеприимнейшему человеку была бы весьма к лицу ливрея швейцара…»

«Нововаршавский советчик», Виктор Вторыга

До большого парового гудка, который извещал о начале нового дня, оставалось еще достаточно времени. Поэтому можно было особо не торопиться.

Оскар потянул на себя мусорный бак, продолжая напевать под нос незамысловатый мотивчик. Услышанная вчера в пивнушке песенка оказалась на редкость прилипчивой. И это раздражало не только напарника, но и самого Оскара.

Из бака высунулась до боли знакомая мохнатая морда.

- Пошла вон! – замахал руками мусорщик.

Растревоженный зверек что-то недовольно пропищал.

- Пошла! – со злостью повторил Оскар.

Приближаться, а тем более дотрагиваться до этой мерзости, не было ни малейшего желания.

Оскар взялся за висящую на поясе деревянную дубинку.

Похоже, крыса сразу же поняла исходящую угрозу.

Еще раз, словно на прощанье, пискнув, зверек спрыгнул на землю и тут же растворился в закоулочном полумраке.

- Надо сообщить в управление, - выдохнув, произнес Оскар, - пусть сами разбираются с этой гадостью. Я на такое не подписывался.

- Ага, - вяло кивнул стоящий рядом напарник, ставший свидетелем этой сцены.

- Мое дело - мусор вывозить, а не крыс гонять, - продолжал возмущаться Оскар.

Крыс он не боялся, просто брезговал. Оскар даже представить не мог более неприятных созданий.

Не сказать, что эта встреча стала полной неожиданностью, но бывало, что мусорщики не видели крыс неделями. Власти вели с этими обитателями помоек и подвалов бескомпромиссную войну. До последнего хвоста! А серые, в свою очередь, научились осторожности и стали куда изворотливее.

- Зачем тогда на эту работу пошел? – хохотнул Гавел.

- Да пошел ты, - вполне миролюбиво ответил Оскар, снова взявшись за мусорный бак.

Обижаться было бессмысленно. Со своими тремя классами Оскару сложно было рассчитывать на что-то большее. Ему еще повезло, что тетка водила знакомство с женой какой-то мелкой сошки в управлении городского хозяйства. Родственница похлопотала, и вот уже почти десять лет Оскар каждое утро обходил район, перегружая скопившийся мусор в свою тележку. Напарники периодически менялись. Одни получали место получше, другие выходили на пенсию, ну а были и те, кто просто скатывался.

- Ого! Ты глянь! – Гавел размотал скрученную в трубочку афишу, которую только что выудил из мусора.

- Кто это? – Оскар с любопытством рассматривал блондинку в белом платье.

Несмотря на островатые черты лица и нос с горбинкой, девушка была очень привлекательна. Ее роскошные волосы казались шелковыми, а игривая полуулыбка словно приглашала куда-то, манила и волновала.

Единственное, что точно понимал сейчас Оскар, так это то, что у него никогда не будет такой женщины.

- Вот, тут же написано! Лана Монро, - прочел подпись Гавел. – Певица какая-то, наверное. Или актриса.

А Оскар, как завороженный, продолжал пялиться на афишу.

- Слушай, как думаешь, а она ценная? – заинтересовался напарник. – Много за это заплатят?

- Отдай мне! – неожиданно попросил Оскар.

- Зачем тебе это?

- Дай! – уже потребовал Оскар.

Видя, что товарищ начал заводиться, Гавел не стал спорить.

- Да забирай.

Схватив добычу, Оскар тут же снова смотал афишу и поспешно засунул ее в потрепанную сумку, висящую на тележке.

- Что за?!...

Гавел пытался приподнять очередной бак, но не рассчитал силы и опрокинул его на землю.

Во все стороны из мусорного бака брызнуло чем-то пахучим и едким.

- Проклятье! – выругался Гавел.

Грубый матерчатый фартук оказался замызган какой-то бурой тягучей жижей.

- Такое точно не ототрешь, - Оскар ткнул товарища в грудь и поводил пальцем по растекающемуся пятну. – В чистку отдавать надо.

Вид у Гавела был очень недовольный.

Котелок, фартук, белая рубашка, нарукавники – за этим всем приходилось тщательно следить. Начальство решило, что мусорщики, выполняя грязную работу, обязаны быть эталоном чистоты.

Впрочем, профсоюз особо не возражал. Ведь на это еженедельно выделяли пусть и небольшую, но приятную сумму. А при должной расторопности ушлый мусорщик мог сэкономить для себя пару-тройку злотых. Какой-никакой, а прибыток.

Правда, без оплошностей на этой работе не обойтись, и за одежду порой приходилось доплачивать. В этот раз так и вышло. Новый фартук выдадут нескоро, так что, придется Гавелу после смены нести подпорченную вещь в прачечную, что в Левацком переулке.

- Найду, кто слил – набью морду! – пообещал Гавел, сжимая кулаки.

В качестве доказательства своей решимости мусорщик от души пнул тот самый бак.

- Я помогу…

Оскар еще что-то хотел добавить, но у стены снова послышалось какое-то шуршание.

«Опять крыса?» - тут же пронеслось в голове.

Но нет. Зверь оказался куда крупнее, и на двух ногах.

Из-за мусорных баков вылез человек, который был уже на полпути к безумию.

Незнакомца заметно пошатывало.

Правая половина его позеленевшего лица представляла собой одну сплошную ссадину, а закатившиеся вверх глаза вызывали отвращение.

- Матерь Божья, - Гавел тут же отпрянул в сторону.

Мусорщики переглянулись.

- Слышь, парень, - Оскар предостерегающе направил на незнакомца дубинку. – Стой, где стоишь.

Вместо ответа мужчина издал неразборчивый гортанный рык. Даже на расстоянии чувствовалось его смрадное дыхание.

- Кажется, он не опасен, - почему-то шепотом произнес Гавел.

Незнакомец зарычал и вытянул вперед длинные трясущиеся руки. Даже если он и хотел напасть, то сил у него на это просто не было.

- Обожрался чего-то, - Оскар опустил дубинку. – Надо бы в жандармерию сообщить.

Работая мусорщиком, нужно быть готовым к подобным встречам. Вот только итог было сложно предсказать. На улицах продавали бессчетное количество видов гипнотической дряни, и каждая действовала по-своему.

- Может, лучше вызвать этих… Ну, «контроллеров»? – робко предложил Гавел.

- Нет, - тут же тряхнул головой товарищ. – Сам знаешь, потом не отбрыкаемся.

И дело тут было не только в том, что Оскару не хотелось ввязываться в волокиту. Народная молва наделяла людей, умеющих договариваться с Морфеем, почти магическими способностями. Их не понимали, и оттого сторонились. Да и жутких историй про особую госпитальную секцию было немало. Даже самые недоверчивые горожане соглашались, что определенная доля правды в этих страшилках есть.

- Ты прав. Не отвяжемся, – тут же подхватил Гавел, словно боялся, что приятель передумает. – Я позвоню в жандармерию. Тут телефонная будка рядом.

- Погоди-ка. Ты глянь, что у него есть.

Гавел не сразу понял, что напарник имеет в виду кольцо, поблескивающие на пальце незнакомца.

- Думаешь, золото? – недоверчиво спросил Гавел.

По грязной и мятой одежде сложно было определить сословие этого человека.

- А сейчас узнаем!

Подскочив к мужчине, Оскар шарахнул его дубинкой по голове.

Несчастный упал на колени.

Последовал еще один удар, после которого жертва распласталась на земле.

- Ты убил его! – ужаснулся Гавел.

- Успокойся, - Оскар убрал дубинку. – Я знаю, что делаю. Ничего с ним не будет.

- А если нас увидят?

- Кто?

Ранним утром в этом глухом дворе, окруженном брандмауэрами, можно было не опасаться случайных свидетелей.

- Если что, скажем, что он первый начал, - Оскар принялся торопливо стаскивать кольцо. - Нам поверят.

Доводы напарника показались Гавелу вполне здравыми.

- Чего-то оно легкое какое-то, - Оскар взвесил кольцо на ладони. – Ладно, покажу Демидычу. Он самую честную цену даст.

После этих слов мусорщик начал деловито осматривать карманы жертвы.

Гавелу оставалось только наблюдать.

Удивительно, еще десять минут назад Оскар чуть не грохнулся в обморок при виде крысы, а сейчас без всяких угрызений совести обыскивал бесчувственное тело.

- Неплохо, - усмехнулся Оскар, пересчитывая ворох разноцветных бумажек. – Почти сотня.

Также добычей мусорщика стала пишущая ручка, платок и непонятный пустой футляр. Документов у мужчины не было.

- Держи, - Оскар отсчитал несколько банкнот, - тут сорок.

Если Гавел и колебался, то лишь пару секунд. Жадно схватив деньги, мусорщик поспешно сунул их за нарукавник.

- Ботинки брать будешь? – спросил Оскар. – Вроде еще нормальные.

Гавел с сомнением посмотрел на обувь незнакомца. Да, она казалась вполне сносной, но что-то подсказывало, что лучше отказаться.

- Нет.

- Как знаешь, - Оскар принялся расшнуровывать ботинки жертвы, но потом, немного подумав, бросил это занятие. – Да ну их!

«А почему он босой?» – этот вопрос обязательно зададут жандармы. А этого бы стоило избегать.

- Звони уже, а я пока тут покараулю.

- Ага, - Гавел быстрым шагом направился к узкому проходу между домами.

Оскар посмотрел вслед напарнику.

Там, впереди, тонкой багровой линией проглядывал рассвет.

Но вот только солнце так и не поднимется из-за горизонта.

Ни через час, ни через день, ни через неделю.

Никогда.

Этот рассвет был вечным.

Глава 1

**Глава, в которой дирижабль слегка запаздывает,
а студиозусы снимают фильму**

«…и пусть живых свидетелей тех славных событий уже и не осталось, память о беспримерном подвиге героев Ледяного похода будет вечно жить в сердцах нововаршавян. На праздник ангажированы гости со всего Пояса, среди которых будет немало сиятельных и уважаемых особ. Увеселительная программа уже сейчас выглядит сколь обширной, столь и разнообразной. Конферанс, музыкальные номера, акробатические этюды – устроители обещают нам немало сюрпризов. Под ярмарку отдадут часть центральных улиц, где мастеровой люд будет удивлять, а кулинары потчевать всех желающих. А закончится все парадом и грандиозным фейерверком…»

«Новые ведомости», Барбара Лэко

Ожидание порядком затягивалось, но это не особо расстраивало Агнешку. Как раз наоборот, она с любопытством рассматривала собравшихся людей и подслушивала чужие разговоры.

Повсюду сновали вездесущие репортеры. Десятки фотокамер устремили свои объективы к небу, не желая упустить появление сверкающего призрака – того самого дирижабля, который только что совершил невероятное путешествие, преодолевая опасности и расстояния.

- Простите, сударыня, - мужчина в старомодном пенсне очень неаккуратно задел девушку плечом.

Агнешка хотела было заверить, что ничего страшного не произошло, но мужчина успел скрыться в толпе.

- Папенька, а скоро прилетит ди-ри-жа-бля? – стоявший рядом мальчик лет шести-семи дернул отца за рукав.

Та старательность, с которой ребенок выговаривал такое сложное для него слово, невольно вызвала у Агнешки улыбку.

- Не дирижабля, а дирижабль, - поправил молодой отец, больше походивший на старшего брата, - Мишка, потерпи еще немного. Уже скоро.

Хотя отец и сам сомневался в своих словах, но мальчуган заметно приободрился и принялся водить неказистой подзорной трубой по сторонам. Вряд ли с помощью этой самоделки можно было что-то увидеть, но мальчик сжимал ее так, словно это самая ценная вещь на свете.

Агнешка приподнялась на цыпочках, чтобы лишний раз окинуть взглядом разлившееся человеческое море.

Увы, но пробиться в передние ряды не представлялось возможным. Чтобы занять лучшие места на летном поле, зрители начали собираться сильно загодя.

Однако и в этом Агнешка видела пусть и небольшую, но выгоду. Да, она не сможет полюбоваться «Графом Дортмундом» вблизи и не сможет поприветствовать Юлиуса Вернера, но у нее появлялся шанс добежать до ближайшей станции подземки до того, как туда хлынет людская масса. Хотя власти и обещали в честь такого события пустить дополнительные поезда, но давки было не избежать. И очень может быть, что завтрашние газеты запестрят заголовками о пострадавших. Такое в Новой Варшаве уже случалось.

- Вы тоже здесь?

Кто-то снова задел Агнешку, только в этот раз куда деликатнее.

- А? Что? – девушка не сразу поняла, что обращаются именно к ней.

- Не знал, что вы имеете интерес к воздухоплаванью, - высокий худощавый юноша расплылся в улыбке, - я почему-то полагал, что для вас это безделица.

- Отнюдь, - единственное, что смогла ответить Агнешка.

Конечно, девушка изначально понимала, что может встретить здесь кого-то из однокурсников, вот только она не искала себе компанию. Ей куда проще было затеряться в толпе. Некоторые считали ее нелюдимой и даже высокомерной, а Агнешка лишь старалась держаться в стороне. Все общение с однокурсниками ограничивалось учебой.

- Что ж вы тут одна? – спросил Виталик. – Пойдемте со мной! У нас, знаете ли, отличный обзор.

- Право, наверное, не стоит, - робко запротестовала Агнешка. – Мое появление может показаться неуместным.

- Решительно не желаю вас слушать, - рассмеялся юноша. – Вся собравшаяся публика вам хорошо известна.

Можно было и не сомневаться, что под публикой Виталик имел в виду сокурсников.

- Но я думала…

- Пойдемте-пойдемте, - молодой человек ухватил Агнешку за запястья и потащил за собой.

Со стороны такое поведение юноши могло показаться бестактным, но среди студентов подобные вольности были в порядке вещей.

- У нас даже шампанское есть! – прямо на ходу хвастался Виталик. – Это будет феерично! Мы наполним бокалы, как только «Граф Дортмунд» пришвартуется.

То, что некоторые сокурсники могли позволить выложить кругленькую сумму за бутылку игристого, Агнешка вполне допускала. Отпрысков богатых фамилий в университете хватало. Но, скорее всего, сейчас речь шла о пьяной шипучке, неизменной спутнице студенческого веселья.

- А еще наш разлюбезный Леопольд взял киносъемочный аппарат! Ума не приложу, где он раздобыл такую штукенцию, но мы сможем сделать настоящую синематографическую хронику!

Девушка еле поспевала за своим провожатым.

Виталик уверенно вел Агнешку вдоль толпы в сторону возвышавшейся трибуны. Здесь было куда просторнее. По крайней мере, не приходилось каждую секунду натыкаться на кого-то и пробивать себе дорогу. Некоторые прозорливые горожане брали с собой покрывала, раскладные стульчики, корзинки со снедью. Мысль о том, что столь знаменательное событие превращается в вульгарный пикник, даже немного покоробила Агнешку.

- Все, пришли! – наконец-то изрек Виталик.

- Сюда? Вы ничего не путаете? – изумилась девушка

И, действительно, было чему удивляться. Виталик привел ее к тому самому помосту, на котором были обустроены ложи для важных гостей.

- Нам разрешили постоять возле трибуны, - тут же пояснил юноша.

Агнешка даже с облегчением выдохнула. Рядом с высшим обществом ей было бы очень неуютно. А вот оказаться на огороженной территории – это совсем другое дело! Здесь можно будет скоротать время без излишнего шума и суеты, хоть для этого и придется потерпеть тех,кого и так каждый день видишь на лекциях.

- Пропустите, нас там ждут, - Виталик обратился к стоящему в оцеплении охраннику.

Немолодой, но еще крепкий мужчина лишь покачал головой.

- Шли бы вы отсюда.

- Нас, правда, ждут…

- Идите-идите, - важно приосанился охранник, заложив руки за спину.

Виталик выглядел растерянным.

- Но, послушайте, я же недавно только оттуда вышел. Вы должны были меня запомнить!

- А я не обязан всех запоминать. Мало ли кто тут шастает! – охранник начал терять терпение. – Здесь солидные господа отдыхать изволят. А всяких проходимцев пускать не велено.

- Да не проходимцы мы! – взмолился Виталик.

- А ну проваливай!

По выражению лица охранника было видно, что он уже готов схватить молодого наглеца за шиворот и отвесить тому хорошего пинка.

- Почтенный, дайте скорее моему другу пройти! – раздался приятный, почти певучий женский голос.

Все трое повернули головы.

К месту событий быстрым шагам направлялась высокая темноволосая девушка.

Ивонна!

И как только Агнешка сразу не догадалась, кто за всем этим стоит?

- Зачем вы ругаетесь? Я же вижу, что вы совсем не злой! – продолжила красавица.

- У меня приказ, – охранник явно тушевался под таким напором.

- Уверяю вас, у моего друга есть все основания, чтобы находиться здесь, - с улыбкой отвечала Ивонна. – Ах, Агнесса? Вы ли это? Какая прелесть!

Вместо ответа Агнешка лишь что-то пробормотала себе под нос.

- Эти люди со мной, - снова обратилась к мужчине Ивонна. – Под мою личную ответственность.

- Я должен…

Охранник не имел никакого представления, кто стоит перед ним, но та уверенность, с которой говорила брюнетка, заставила его отступить.

- Пойдемте, друзья, пойдемте! – не дав охраннику времени опомниться, Ивонна быстренько подхватила товарищей под локотки.

Ни Агнешка, ни Виталик толком и не поняли, как их сокурснице так ловко удалось все обставить. Это, видимо, был талант.

- Повезло вам, котятки, что я оказалась рядом, - рассмеялась Ивонна, - а то бы пропустили все интересное.

Этот покровительский тон не понравился Агнешке.

- Нам туда, - Ивонна кивнула куда-то в сторону, - Жером уговорил своего папеньку лейб-медика, чтобы нас сюда пустили.

Вот теперь картинка окончательно сошлась.

Ивонну, первую красавицу факультета, не зря считали хищницей. Она прекрасно знала, какое впечатление производит на окружающих, и виртуозно этим пользовалось. Ее мягким просьбам, сдобренным обаянием и милой улыбкой, невозможно было отказать. Очень мягко и ненавязчиво девушка внушала другим, что они действуют не по ее прихоти, а исходя из собственных желаний.

И наверняка в случае с Жеромом было именно так. Хотя самой Ивонне тут можно было отдать должное. Ведь она просила не только для себя, но и для сокурсников из своего окружения. К Ивонне тянулись и юноши, и девушки. Как любая королева, она должна была время от времени поощрять и радовать свою свиту. И с этим Ивонна справлялась на отлично.

- До приземления осталось уже немного, - заговорщицки сообщила брюнетка.

- Не сомневаюсь в вашей осведомленности, - ответила Агнешка.

- Вы мне определенно льстите, дорогая, - если шпилька и была, то Ивонна предпочла не замечать ее, - но у нас еще есть время выпить по бокалу.

Как оказалась, компания студентов расположилась на полянке между медицинскими паромобилями. Тут, конечно, был далеко не весь курс, но даже эти полтора десятка человек создавали эффект столпотворения. И чувствовали себя они здесь вполне вольготно. В пред-

вкушении знаменательного события молодые люди с удовольствием общались и веселились, а спиртные напитки делали атмосферу еще более непринужденной.

К своему неудовольствию, Агнешка отметила, что кое-кто из студентов был уже порядком навеселе.

- Лео, так мы будем сегодня делать синему? – Ивонна обратилась к невысокому полноватому юноше, который возился с установленным на треноге киносъемочным аппаратом.

Запыхавшийся Леопольд поднял голову. Вид у него был одновременно и раздосадованный, и виноватый. Из-под расстегнутого пиджака торчала расходящаяся на животе сорочка, а ранние залысины делали образ юноши еще более комичным.

- Ничего не понимаю, - Лео платком протер раскрасневшееся лицо. – Тут что-то не то с затвором.

- Не расстраивайтесь, Леопольд, - поспешила успокоить Ивонна. – Я уверена, что у вас все получится. Ну а если даже нет, то мы и так хорошо проведем время.

- Получится! Обязательно получится!

Приободренный Лео снова принялся дергать ручки киноаппарата.

- Ивонночка, душенька! Куда вы запропастились? Я вас везде искал!

Слегка пошатываясь, к девушкам подошел еще один молодой человек. В каждой руке парень держал по наполненному бокалу.

- Вы просто обязаны выпить со мной, Ивонночка!

Это был Александр. В обычной жизни он казался скромным и даже застенчивым, ничем не выделяющимся среди сверстников. А вот сегодня, неожиданно расхрабрившись, он почувствовал себя чуть ли не главным балагуром и душой компании.

- А что это тут? Вы привели с собой свою горничную?

Посчитав шутку удачной, Александр расхохотался.

Агнешка прикусила губу.

Вот сейчас ей было обидно.

На фоне разряженной по последней моде Ивонны она в своем блеклом платьице и скромной шляпке, действительно, смотрелась как серая мышка.

- А вы острослов, Саша, - хоть и с улыбкой, но весьма холодно заметила Ивонна. – Я вам благодарна, что вы проявили заботу и принесли нам с Агнессой вина.

- Я…

- Вы можете идти!

Ивонна пристально посмотрела на юношу.

- Ступайте, - повторила красавица.

Сконфуженному Александру только и оставалось, что отдать бокалы и удалиться. Подвыпивший молодой человек явно рассчитывал на совсем другое обращение.

- Не держите на него зла, - Ивонна обратилась к Агнешке. – Он славный, на самом деле. Просто выпил лишнего.

- А я и не держу, - соврала Агнешка.

- Вот и хорошо! – Ивонна пригубила вина, недвусмысленно давая понять, что сокурснице нужно сделать то же самое.

Агнешка осторожно поднесла бокал к губам.

До этого ей всего дважды приходилось пробовать алкоголь, и оба раза ей не понравились. Сейчас все было иначе.

Сначала девушка почувствовала легкую горчинку и нежные пузырьки. Вкус вина был освежающим и вместе с тем терпким. Это было что-то совершенно новое, волнующее, оставляющее легкость и приятное послевкусие.

- Что это? – спросила удивленная Агнешка.

- «Слеза лебедя».

Виталик не врал и не преувеличивал. Сокурсники, действительно, раздобыли настоящее шампанское. А судя по состоянию некоторых из присутствующих, здесь уже было распито не меньше дюжины бутылок.

- Откуда? – Агнешка до сих пор не верила в происходящее.

Подавляющее большинство нововаршавян и мечтать не могли о чем-то подобном. Ведь «Слеза лебедя» - это не просто безумно дорого, это статус, это атрибут красивой жизни.

- Подарок, - Ивонна явно не торопилась допивать свой бокал, словно для нее такие напитки были привычны, - от выпускников нашего факультета. Так заведено.

Агнешка раньше не слышала про такие традиции, но лезть с расспросами не стала.

- Виват Юлиусу! – внезапно закричал кто-то из студентов. И этот возглас тут же подхватили его товарищи, а особо ретивый юноша даже подбросил в воздух свой цилиндр.

У известного инженера и промышленника было немало недоброжелателей. Его называли удачливым авантюристом, кто-то считал его шарлатаном и обманщиком, ученые мужи зачастую надсмехались над его идеями. Но вот и сторонников хватало, а молодое поколение вообще готово было его боготворить. В Юлиусе Вернере видели лидера, способного разрушить старые устои. Его тяга к прогрессу и новаторству находила отклик в сердцах, пышущих юношеским максимализмом. Технократ и филантроп, путешественник и популяризатор науки – за ним готова была идти не только молодежь, своей харизмой он вдохновлял на поиски и свершения.

- Господа, господа! – Ивонна сама была вынуждена повысить голос. – Прошу вас, тише! Не забывайте, что мы здесь благодаря Жерому. Вы же не хотите, чтобы у него были неприятности.

Эти слова звучали вполне благоразумно. Агнешка уже не раз и не два замечала, как проходящие мимо люди с неудовольствием поглядывают на их компанию. Чего доброго, кто-то пожалуется, что студенты мешают гостям на трибуне.

- Виват Ивонне!

Новый призыв сопровождался хлопком пробки из-под шампанского.

- Не извольте беспокоиться! Я все улажу! – невесть откуда появившийся Жером тут же начал бравировать. – Все!

Сын лейб-медика выглядел расхлябанным. А если судить по пятнам на рединготе и грязным коленям, Жерому сегодня уже приходилось терять равновесие.

- Я, знаете ли, имею определенный вес, - осмелевший Жером продолжал хорохориться. – У меня есть полезные знакомства.

Происходящее вызывало у Агнешки все большее отвращение. Почувствовавшие свободу приличные мальчики и девочки уже превращались в банду пропойц.

- Пожалуй, я пойду, - как можно деликатнее произнесла Агнешка.

- Не смею вас задерживать, а уж тем более упрекать, - Ивонна тоже была не в восторге, но уходить не спешила.

Рядом раздался громкий щелчок.

- Господа, заработало! – радостно закричал Леопольд, разворачивая треногу с зажужжавшим киноаппаратом. – Господа, всех прошу в кадр!

Этот маленькое достижение могло остаться незамеченным, если бы Ивонна привычно не взяла бразды правления в свои руки.

- Роберт, Виталик, Полина! Все сюда, - принялась командовать брюнетка, - Лео включил синематограф.

Это подействовало молниеносно. Студенты тут же попытались скучиться, словно их ожидал групповой фотоснимок.

- Агнесс, не уходите. Это нужно для истории.

Прильнувший к окуляру Лео навел киноаппарат на сокурсников.

- Ивонна, пожалуйте в центр кадра, - попросил новоявленный оператор. – Да, вот так…

Забавно, но никто из ребят не знал, как себя вести в такой ситуации. Кто-то постарался придать себе самый серьезный вид, кто-то, наоборот, принялся дурачиться и кривляться, а некоторые даже стали прятаться за спинами товарищей.

- Невероятно, удивительно, – Леопольд явно получал удовольствие от процесса. – Вот оно, важнейшее из искусств!

- Лео, зачем вам университет? Вот ваше истинное признание, - пошутил кто-то из молодых людей.

- Замрите, - все уверенней вел себя Леопольд.

Агнешка почувствовала, как кто-то из парней, как бы случайно, приобнял ее за талию.

Это был Александр.

От заслуженной пощечины наглеца спас бравурный марш, зазвучавший над летным полем.

- Началось!

- Где он?

- Кто-нибудь что-нибудь видит?

Позабыв про Леопольда и его чудо техники, все подняли головы вверх.

Сегодня сумерки казались гуще обычного.

Сгорающая от нетерпения толпа забурлила. Эмоции били через край. Каждый хотел воочию увидеть героев, которые сумели достичь Темного полюса. Наконец-то настал тот момент, когда можно будет почувствовать свою причастность к великим событиям, стать свидетелем торжества воли и смелости.

- Туда, туда смотрите! – перекрикивая музыку, Виталик принялся тыкать пальцем куда-то в небосвод.

Между еле различными Большой и Малой Шестеренкой появилась еще одна звезда.

- Ее там не было! – Виталика захлестывал азарт.

И словно в подтверждение его слов, рядом со звездой загорелся еще один такой же серебристый огонек. А потом третий, четвертый, пятый.

Сомнений не оставалось. Это был «Граф Дортмунд».

- Снимай, Лео, снимай!

Вместо ответа Леопольд недовольно сопел, безуспешно пытаясь задрать объектив киноаппарата.

- Виват! … - снова попробовал затянуть порядком захмелевший Жером, но его запинающийся голос потонул в общем гуле.

А между тем мерцающие огоньки стремительно приближались, увеличиваясь в размерах.

И уже очень скоро на фоне темного неба можно было отчетливо рассмотреть силуэт дирижабля, подсвеченный многочисленными лампочками.

- Он падает! – завизжала какая-то излишне впечатлительная дама.

Но нет, дирижабль замедлил ход и завис в нескольких сотнях метров над землей.

Его размеры впечатляли. «Граф Дортмунд» был намного больше любого своего собрата. В нем чувствовалась мощь и благородство. Казалось, что этими округлыми формами и длинным корпусом можно любоваться до бесконечности. Каждая линия и каждый элемент «Графа Дортмунда» были продуманы до мельчайших подробностей, во всем этом была заложена страсть к совершенству.

Раньше Агнешке приходилось видеть этот шедевр инженерной мысли лишь на фотографиях. Девушка знала, что гондолу украшает носовая фигура в виде древней богини. Правда, сейчас эту фигуру скрывала темная пелена, но в залитой светом рубке можно было различить мелькающие тени.

- Новая Варшава приветствует отважных первопроходцев! – пробасил репродуктор.

- «Граф Дортмунд» приветствует славных жителей Новой Варшавы! – как оказалось, на дирижабле тоже был громкоговоритель.

Юлиус Вернер любил эффектные появления.

Включившиеся прожектора тут же поймали небесного исполина в перекрестие своих лучей.

И тут началось настоящее безумие.

Люди пели и танцевали, плакали и смеялись, обнимались и обкидывали друг друга конфетти. Ввысь устремились десятки светящихся небесных фонариков.

- Я всегда верил в него! – оказавшийся среди студентов мужчина в куртке медицинской службы радовался как ребенок.

Кто-то из молодых людей тут же протянул фельдшеру бокал шампанского. Мужчина не пожелал оставаться в долгу. Выудив из внутреннего кармана фляжку, он принялся предлагать всем подряд пойло сомнительного происхождения. Недостатка в желающих не было, ликующей молодежи было уже все равно, что пить.

- Господа, просьба сохранять благоразумие и не выходить на огороженную территорию, - снова заговорил репродуктор.

Взревели все шесть двигателей, и небесный исполин поплыл, описывая своеобразный круг почета над дирижаблепортом.

Агнешка зачарованно наблюдала за этим маневром, стараясь не обращать внимания на окружающих.

Это было величественно. Совершенно. Прекрасно.

- Агнесса, я бы попросила вас не придавать огласке, что вы тут видели, - на всякий случай предупредила Ивонна.

- Да, конечно, - Агнешка с пониманием кивнула.

А многотысячная толпа даже не думала униматься, утопая в нахлынувшем веселье.

Дирижабль снова начал снижение, постепенно уменьшая радиус.

До посадки оставались считанные минуты.

Столпившиеся перед трибуной журналисты даже устроили небольшую потасовку. Каждый из них хотел быть как можно ближе к Вернеру и его спутникам, когда те окажутся на земле.

Действие достигло кульминации.

Почему-то стало невыносимо душно.

Ивонна принялась обмахивать себя веером. Агнешка последовала ее примеру.

Кое-как приспособившись, Лео не сводил объектив с дирижабля.

С гостевой трибуны понесся пронзительный одобрительный свист. Кто-то из первых людей города не удержался и поддался всеобщему настроению.

Казавшийся таким неповоротливым «Граф Дортмунд» сделал резкий поворот и буквально одним рывком достиг причальной мачты.

Из гондолы вывалился швартовый трос.

И именно в этот момент прогремел взрыв.

Глава 2

**Глава, в которой город просыпается,
а талантливый механикус засыпает**

«…серьезные ранения получили два сотрудника дирижаблепорта. Но можно не сомневаться, что целью бомбистов был Юлиус Вернер. К счастью, ни он, ни члены его экипажа не пострадали. И как можно расценивать эту грязную и варварскую выходку? Это демарш! Демарш против прогресса, нашего общего светлого будущего, здравого смысла. Против всех нас, в конце-то концов. Горстка негодяев пытается посеять страх и сомнения. Но у них ничего не получится! Ведь сплотившись…»

«Первый паровой», Гаврила Баль

Совсем скоро город вздрогнет, лениво потянется и сбросит с себя сонное оцепенение. Потихоньку открывались лавочки и магазины, где-то под землей первые поезда метро везли своих первых пассажиров.

Условная ночь отступила, но и до привычной городской суеты было еще далеко. Немногочисленные прохожие могли пока наслаждаться тишиной и простором.

Тучный солидного вида мужчина, успевший разжиться утренней газетой, прямо на ходу вчитывался в заголовки. Чиновник средней руки уже предвкушал, как сидя в своем тесном кабинете и похлебывая кофейный суррогат, внимательно ознакомится со всеми текущими новостями, заглянет в некрологи и решит простенький кроссворд. Это был своеобразный ритуал, повторявшийся пять раз в неделю на протяжении многих лет.

Идти оставалось еще пару кварталов.

Трах! Бах! Тра-та-та-та!

Из-за угла вылетел паромобиль.

От неожиданности мужчина даже всплеснул руками.

Послышался звук рвущейся бумаги.

- Сволочь! – единственное, что успел крикнуть вдогонку незадачливый пешеход.

- Тра-та-та! – словно в издевку отозвался паромобиль, оставляя за собой поток горячего воздуха.

Этот неказистый бочонок с колесами развивал приличную скорость. А управлявший им лихач не особо считался с правилами.

Не сбавляя хода, монструозный паромобиль проскочил еще несколько перекрестков, после чего, заложив крутой вираж, юркнул в арку. И сделано это было мастерски, можно сказать, изящно - с визжащими тормозами и парой колес, на мгновенье оторвавшихся от земли. За рулем был настоящий ас.

Свидетелем этого трюка стал еще заспанный мальчишка-посыльный. И лишь спустя несколько секунд он понял, что ему не померещился ни этот тарахтящий агрегат, ни шофер в клетчатом кепи и желтых летных очках.

А между тем паромобиль выписал несколько зигзагов по окрестным улицам и въехал в Малое Средместье, тихий и респектабельный район, примыкающий к парку Жмуды.

Резко сбросив скорость, экипаж остановился возле одного из домов.

К паромобилю тут же кинулся человек в темно-синей форме.

- Сколько вас ждать? Совсем обнаглели? - зарычал жандарм, рванув на себя дверцу.

В глубине салона послышался щелчок ремня безопасности. А спустя пару мгновений, словно на проявленной фотографии, из темноты выплыло бледное лицо.

С жандарма тут же слетела вся спесь. Вздрогнув, он невольно отступил назад.

- Доктор…Господин Белофф, - запинаясь, попробовал объясниться сержант. - Я не знал…Я не думал, что вы сами…

- Прискорбно, - выбравшийся из паромобиля высокий худощавый мужчина повел затекшей шеей. Непродолжительная, но стремительная поездка успела утомить.

Жандарм всеми силами старался не пересекаться взглядом с доктором. Смотреть в эти светло-голубые глаза, казавшиеся почти прозрачными, было невыносимо. В них чувствовалось что-то леденящие, непонятное, а оттого пугающее.

От таких людей стоило держаться подальше.

- Лейтенант наверху, - пытаясь подавить робость, заговорил жандарм.

Вместо ответа Белофф огляделся. Именно в этой части Малого Средместья ему раньше бывать не приходилось.

А район вполне оправдывал свои высокие цены. Обычно жилые кварталы застраивались однообразными унылыми домами из грубого кирпича, здесь же зодчие разгулялись.

Под разноуровневой керамической крышей прижимались друг к другу фасады из песчаника с резными портиками. Дорогие витражные окна чередовались с устремленными ввысь дорическими колоннами, что создавала иллюзию легкости, воздушности.

Неудивительно, что это место облюбовала преуспевшая интеллигенция. Здесь качество жизни определялось не шумными вечеринками, а спокойствием и размеренностью.

- Что вы говорили? – доктор наконец-то обратился к мнущемуся рядом жандарму.

Сержант испуганно встрепенулся.

- А?

Белофф не стал повторять вопрос. С равнодушным видом он достал из кармана светло-серого пальто перчатки, задумчиво помял их в руках и сунул обратно.

- Господин лейтенант ожидает вас! – жандарм все же сообразил, чего от него хотят.

- Фамилия.

- Старший сержант Клевец, первый корпус жандармерии, - выпалил страж порядка.

Белофф тяжело вздохнул.

- Словио точно ваш родной язык?

- Да…, - глаза сержанта испуганно забегали.

- Фамилия лейтенанта, - пояснил доктор.

- Рубик! Лейтенант Рубик! – сбивчиво проговорил Клевец. – Это он приказал послать телефонограмму.

- Любопытно, - лицо Белоффа оставалось бесстрастным.

- Там! – жандарм указал на ближайший дом и тут же потянулся к саквояжу доктора. – Позвольте я вас сопровожу.

Со стороны это, наверное, выглядело странно, что целый сержант так расшаркивается перед каким-то штатским. Вот только у самого Клевца по этому поводу было совсем другое мнение.

- Роберт, - Белофф обратился к шоферу, - жди.

Перегнувшись через дверцу, водитель, так и не стянувший с себя очки, приложил ладонь к козырьку, изобразив подобие воинского приветствия.

Быстрым шагом доктор перешел дорогу.

Возле массивных деревянных дверей дежурил еще один жандарм. Преисполненный чувством собственного достоинства, огромный детина зорко поглядывал в оба конца улицы. Появление доктора не вызвало у него никакого интереса.

А вот Белофф, наоборот, успел хорошо рассмотреть постового.

Громоздкая револьверная винтовка Д`Ожено и шлем с пикой определенно шли здоровяку, а вот стальная кираса была явно маловата. К тому же ее надежность вызывала сомнения.

Керамическую пулю такой панцирь может и выдержит, но против армейского карабина точно будет бессилен.

- Вот, нам сюда, - сержант все-таки увязался следом. Вынырнув из-за спины Белоффа, он услужливо открыл дверь.

Доктор слегка поморщился. Клевец уже начал утомлять.

В просторном фойе, подсвеченном парой газовых фонарей, было почти так же прохладно, как и на улице. Конторка рядом с входом пустовала. Похоже, портье в этом доме был приходящим и работал лишь по определенным часам.

- Господин доктор, тут есть лифт, - снова подал голос Клевец. – Так быстрее будет.

Сразу за конторкой в нише, действительно оказалась высокая решетчатая дверь.

- Разумно, - согласился доктор.

За каких-то полминуты поскрипывающая кабина подняла мужчин на пятый этаж.

- Нам надо по коридору и налево, - затараторил Клевец сразу же, как лифт остановился.

Теперь уже сержант бежал впереди, указывая дорогу.

- Пришли! – отрапортовал жандарм возле приоткрытой двери.

В квартире отчетливо слышалось какое-то шуршание. И вряд ли это был хозяин дома.

Толкнув дверь, Белофф переступил порог.

В нос шибанул резкий запах табака.

«Сопот» - пожалуй, самые мерзкие и едкие из всех папирос. Этот ядовитый аромат сложно было с чем-то спутать.

Доктор вполне спокойно относился к табачному дыму, да и сам мог порой раскурить хорошую сигару, но он искреннее недоумевал, почему далеко не бедные люди зачастую предпочитают такую дешевую дрянь. Конечно, лейтенанта Рубика сложно было отнести к сливкам общества, но со своим жалованьем он запросто мог бы себе позволить что-то куда приличней, чем эту отраву для бедных.

Сам лейтенант сейчас стоял посреди огромной комнаты и деловито пролистывал какую-то книгу. Судя по валяющимся на полу окуркам, особого стеснения в чужом жилище Рубик не испытывал.

- Господин лейтенант, прибыл господин доктор, - доложил сержант.

Рубик небрежно бросил книгу на стол.

- Отто? Ты? – удивленный лейтенант едва не выронил зажатую в зубах папиросу.

- Я, - Белофф слегка приподнял котелок над головой.

- Не думал, что увижу тебя здесь, - честно признался Рубик.

Подойдя ближе, доктор поставил саквояж на стол.

- Сезон.

- Да, понимаю, - кивнул лейтенант.

- Не каждый день полиция присылает срочный запрос, - Отто стянул с себя пальто.

- Мы уже давно не полиция, - тут же поправил лейтенант.

- Несущественно, - хмыкнул Белофф.

Жандармским такое старорежимное обращение очень не нравилось.

- Я бы все-таки попросил, - недовольно насупился Рубик.

Лейтенант даже поправил разболтавшийся на мощной шее галстук, но это не добавляло ему представительности. Если во внешнем виде Белоффа читалась легкая небрежность, то жандарм выглядел откровенно неряшливо.

- Давно не виделись, - доктор примирительно протянул руку.

- Здравствуй, Отто, - Рубик крепко сжал ладонь доктору

- Больно, - абсолютно спокойно сказал Отто.

- Извини, - Рубик одернул свою лапищу.

Лейтенант хоть и не отличался высоким ростом, но был широкоплечим и крепко сбитым малым. А низкий лоб, массивная выпирающая вперед челюсть и непропорционально длинные руки делали его похожим, если верить «Новейшей Британнике», на гориллу.

- Что произошло и почему такая спешка? - поставив саквояж на стол, Белофф решил перейти к делу.

Особой теплоты эти двое друг к другу не испытывали, но за годы работы сумели проникнуться профессиональным уважением.

- Я хочу знать все, - предупредил доктор, - про секретность можешь не говорить. Если бы это был психоз на фоне циркадного перехода, то коновалы из вашей медицинской службы сами бы справились.

Про коллег с петлицами Белофф говорил с нескрываемым пренебрежением.

Лейтенант за честь мундира вступаться не стал. Внутри жандармерии кипели свои нешуточные страсти.

- Не думаю, что тебе будут интересны подробности, - произнес Рубик.

- Посмотрим, - мягко ответил Отто.

- Была стрельба, - глядя куда-то в сторону, промямлил лейтенант Рубик. – Стреляли по прохожим. Поэтому нас вызвали.

- Информативно, - равнодушно произнес Белофф.

- Никто не пострадал, - продолжил жандарм, - но …

- Вскрылись особые обстоятельства, - предположил доктор.

- А? Что? – встрепенулся озадаченный Рубик. – Да! Обстоятельства. Особые.

- Я заинтригован. Почти, - с еле уловимой издевкой произнес доктор.

- Ты еще здесь? – внезапно рыкнул Петер.

И только сейчас Белофф заметил, что сержант до сих пор топтался на пороге.

- Просто я думал, что господину доктору что-то понадобится, - промычал Клевец.

- Я сказал тебе, быть внизу и смотреть в оба! – приказным тоном заявил лейтенант.

- Так точно, лейтенант! Быть внизу и смотреть в оба! – Клевец всем своим видом попытался показать служебное рвение.

- Выполнять!

Уже через секунду в коридоре послышались быстро удаляющиеся шаги, больше напоминавшие бегство.

- Умеешь ты людей запугать, - с явным упреком произнес лейтенант, закуривая очередную папиросу.

- Даже не пытался, - покачал головой Белофф.

- Ага, мне-то не рассказывай, я твоими штучками по горло сыт, - грустно усмехнулся Рубик. – Даже у меня от твоего взгляда иногда изморозь по коже.

Случайно это было или нет, но именно в этот момент доктор достал из кармана жилетки пенсне в серебристой оправе.

- Ты ж так смотришь, будто душу вытащить хочешь, - пробубнил лейтенант. – Тебя из всего ГАКа больше всех боятся…

Белофф не стал спорить.

- В общем, дело такое, – спохватился жандарм. – Это квартира Александра Яновского. Он пальбу и устроил.

- Индифферентно.

Это имя Белоффу ни о чем не говорило, но уже было понятно, что вряд ли тут жил повеса. Столы и стулья из дорогой древесины, книжные стеллажи до потолка, сдержанные темно-бордовые портьеры - все говорило о том, что хозяин квартиры был человеком серьезным и практичным, успевшим кое-чего добиться в этой жизни.

- Чего?

- Безразлично, - ответил доктор. – Я не знаю, кто это.

- Ну, как же! Александр Яновский! – искренне удивился Рубик. – Тот самый, про которого в газетах пишут. Его и на радио приглашали.

- В городе сотни людей с такой фамилией. Допускаю, что среди них есть и Александры.

На лице Рубика ясно читалось непонимание.

- Это же известный инженер и изобретатель. Много чего придумал.

- Например.

- Например? – вопрос поставил лейтенанта в тупик. – Ну, я тебе так с ходу не скажу, но он очень известный. Очень!

- Верю, - Отто снисходительно улыбнулся.

- Он работает на Городской Собор, - с самым серьезным видом сообщил Рубик.

- Ты тоже.

Петер Рубик без всякого зазрения совести затушил папиросу о край стола.

- Нет, ты не понимаешь, это другое, - небрежно взмахнул рукой лейтенант. - Этот Яновский уже давно у нас на карандаше. Он четыре раза попадался нам с запрещенкой. И это было не то дерьмо, которым молодняк балуется.

Отто едва заметно кивнул.

- И каждый раз приходили шишки из Городского Совета и показывали какие-то бумаги. Я сам не читал, но капитан был в ярости. Приходилось этого субчика отпускать.

На несколько секунд лейтенант умолк, подбирая подходящие слова.

- У этого Яновского там, - Рубик ткнул пальцем куда-то вверх, - влиятельные покровители. Вот не верю я, что ему все сходит с рук за его гениальность. Он считает себя неприкасаемым, он зарвался.

Разнервничавшись, лейтенант потянулся за очередной папиросой, но тут же спохватился и засунул ее обратно в пачку.

- Раньше он только с запрещенкой попадался, - продолжил негодовать лейтенант. – а сейчас он начал стрелять по мирным гражданам. И хочу тебе сказать, что пушка эта незарегистрированная.

- Возмутительно, - без всякого энтузиазма произнес Белофф.

- А тут и ответственность уже совсем другая. Вот только мне сдается, что этот хмырь опять соскочит, - сокрушался Рубик. – Была б моя воля, он бы по полной ответил.

Похоже, в жандарме сейчас говорила классовая ненависть к интеллигенции.

За одной из дверей послышался звон разбитого стекла и чьи-то приглушенные ругательства.

- Полагаю, господин Яновский там?

- Да, - недовольно процедил Рубик, зыркнув в сторону двери, - Когда мы приехали, он уже был без сознания.

- Пройдем, - Белофф подхватил со стола свой саквояж.

- Прошу, - Рубик толкнул дверь, попутно сплюнув на пол. Хорошие манеры и обходительность никогда не были сильной стороной жандармерии.

Соседняя комната сразу поразила своим контрастом. Если в гостиной чувствовалось благородство и приверженность традициям, то здесь царил кавардак.

Вытянутое помещение могло бы быть вполне уютным, если бы не стопки книг и журналов, валяющиеся под ногами детали каких-то агрегатов и массивный шкаф напротив двери. А еще много места занимали сразу две чертежные доски. Довеском ко всему этому шел притаившийся в углу велотренажер, превращенный в вешалку для одежды. Хозяин квартиры словно властвовал над хаосом, находя в нем свои закономерности и свою гармонию.

Посреди этого бедлама пара жандармов занималась обыском. Делали они это неспешно и обстоятельно, старательно перерывая всю комнату. И даже появление начальника не отвлекло их от работы.

- Что-нибудь еще нашли? – с ходу спросил Рубик.

- Никак нет, лейтенант, - совсем уж буднично ответил жандарм, копавшийся в шкафу. – Ничего нового. Ищем.

А Белоффа тем временем заинтересовала схема на одном из кульманов. В многообразии идеально прочерченных линий четко угадывался какой-то хитроумный и масштабный механизм.

- Ты знаешь, что это такое? – с удивлением поинтересовался лейтенант.

- Утюг, - пожал плечами Отто. – Или бронепоезд.

- Понятно, - хмыкнул Рубик.

На самом деле, у доктора были свои соображения относительно этих чертежей. Кое-что в инженерной графике он понимал, и больше всего это напоминало паровой ракетоплан. Хотя, конечно, это могло быть чем угодно.

- А где, собственно…

- Вон он, в углу, - Рубик даже недослушал вопрос доктора. – На софе.

То, что поначалу Белофф принял за ворох сваленных тряпок, на деле оказалось свернувшимся калачиком человеком.

Доктор склонился над своим новым подопечным.

Отто и не рассчитывал увидеть убеленного сединами старца, но Яновский казался слишком уж молодым, ему не было и тридцати.

- Как давно он в таком состоянии? – поинтересовался Белофф, проверив несчастному пульс и зрачки.

- Так, - начал прикидывать Рубик, сверившись со своими наручными часами, - Вызов о стрельбе поступил… Минут пятнадцать ехали… Выходит, часа полтора. Или около того, может, даже чуть меньше.

Слова жандарма заставили Белоффа задуматься. Вряд ли это был лишь резкий психоз на фоне гипнопомпических галлюцинаций.

- Что с ним? – очень осторожно спросил лейтенант.

- Не знаю, - честно признался Отто. – Нужны исследования.

- А мне что начальству отвечать, если спросит? – развел руками лейтенант.

- Прогнозис пессима.

- Нормально сказать можешь? – вспылил Рубик.

Продолжавшие обыск жандармы старательно делали вид, что ничего не слышат.

- Прогноз неблагоприятный, - пояснил доктор. – Могу только успокоить, что это не сексомния. Вашей чести ничего не грозит.

Этот мир, уже давно смирившийся с вечным полумраком, сверху донизу был пропитан парасомниями. Одни из них были вполне безвредными, а какие-то могли приобретать масштабы эпидемий. Их открывали, изучали и систематизировали. В научных сомнологических баталиях ломались копья и судьбы. Некоторые феномены и расстройства сна исчезали, но на их место обязательно приходили новые, еще более изощренные. Как будто у природы по этому поводу был свой сумасшедший замысел. Она изгалялась и неустанно экспериментировала - А если так? А вот этак?

Количество существующих парасомний не поддавалось точному подсчету. Названия одних расстройств были у всех на устах, но существовали и такие, о которых знали только узкие специалисты.

Но даже в этом многообразии сексомния стояла особняком. Этим расстройством можно было не только страдать, но и бессознательно наслаждаться, пусть и в ущерб окружающим.

Человек, подверженный сексомнии, при резком пробуждении испытывал непреодолимое половое влечение, он готов был совокупляться со всем, до чего мог дотянуться.

Сексомния упоминалась в скабрезных анекдотах и в бульварном чтиве, ее романтизировали безусые юнцы, на нее ссылались хитрые адвокаты, выгораживая насильников и маньяков.

В приличном обществе ее не считали темой, уместной для обсуждения. Хотя некоторые ученые мужи на полном серьезе уверяли, что именно благодаря сексомнии и произошел тот демографический взрыв, который после эпохи ДЛК позволил остаткам человечества воспрянуть.

- Сексомния, - гоготнул один из жандармов.

- Я смотрю, кому-то тут весело стало? Да? – тон Рубика не сулил ничего хорошего.

- Никак нет, господин лейтенант, - тотчас откликнулся подчиненный.

- Что вы здесь разбили? – строго спросил Рубик. – Я все слышал.

- Графин, господин лейтенант, - не стал отпираться жандарм. – Просто графин. Скользкий, зараза.

- А что в нем было? – встрял в разговор Белофф.

- Ничего, господин доктор. Графин был пуст.

Кончиком ботинка жандарм слегка ткнул лежащий на полу осколок, еще недавно бывший горлышком сосуда.

- Но мы нашли вот это, - жандарм указал на темно-зеленую бутылку, стоящую на тумбочке. – Похоже, та самая бормотуха и есть.

- Пробовали? – строго спросил доктор.

- Нет, господин доктор. Как можно? – мотнул головой жандарм. – Я всякого уже успел насмотреться. Я знаю, что эта штука с людьми делает.

Отто молча подошел к тумбочке и аккуратно подхватил бутылку.

Внешне она почти не отличалась от тех, в которых разливали лимонад и дешевое пиво. Но витиеватый рифленый орнамент в виде лозы свидетельствовал о том, что бутылку явно выдували на заказ.

Белофф поднес бутылку поближе к лицу и осторожно принюхался. Сквозь тяжелый пряный аромат пробивался химозный душок. В этом Отто не ошибался. Никогда.

- Оно? – Рубик внимательно следил за доктором.

- Вероятно.

- А что именно?

Доктор лишь неопределенно пожал плечами. Сейчас сложно было сказать, с чем именно они имеют дело.

Производство таких смесей было поставлено на широкую ногу. Жандармерия почти ежедневно громила подпольные лаборатории, но новые нелегальные цеха по производству гипнотиков и антигипнотиков открывались с завидным постоянством. Спрос рождал предложения. Несмотря на опасность, это ремесло сулило огромную прибыль. А фармакологи, поставившие себя вне закона, работали дерзко и изобретательно, радуя черный рынок новинками.

Единственное, что Белофф мог сказать о попавшей к нему в руки бутылке, только то, что это была дорогая штука. Очень дорогая.

- Он безвылазно работал последние дни. Наверное, поэтому и накачивал себя, чтобы не спать лишний раз, - поделился своими соображениями лейтенант. – Скоро выставка техническая. Может, из-за нее торопился и не рассчитал свои силы. Конченный он уже, такие не бросают.

Изобретатель, действительно, был очень плох. На изможденном лице застыла печать бесконечной усталости. Периодически подрагивали веки, а дыхание было редким и неглубоким. Но даже сейчас, будучи без сознания, он казался погруженным в какие-то размышления, он словно спорил сам с собой.

Белоффу неоднократно приходилось видеть подобное. Чувства, рассудок, сама сущность Яновского – все это сейчас было где-то далеко отсюда. Его внутренний мир и подсознание менялись, а пробуждение сулило мучения.

О сочувствии не могло быть и речи. Яновский, как многие другие до него, самонадеянно переоценил свои возможности.

Взгляд доктора снова упал на бутылку.

В ней оставалось не более четверти. Такие вещи обычно пили неторопливо, приобщение к запретному должно приносить эстетическое удовольствие. К дорогим напиткам полагались изящные мензурки, это было правилом хорошего тона. Вот только ничего подобного поблизости не было. Похоже, Яновский и вправду дошел до того, что ему было все равно, что пить и как.

- Через три часа отнесете его вниз. Я распоряжусь о карете, - после затянувшейся паузы заговорил Отто.

- Это не наша работа, - тут же возразил Петер. – Мы тебе не санитары.

- Да?

- Мы не са…

- Вынужден настаивать.

Рубик осекся. Непроницаемое лицо доктора сейчас могло смутить кого угодно. Казалось, еще несколько секунд назад шел вполне мирный разговор, но в мгновение ока все поменялось. В комнате словно повеяло неприятным холодком.

- Хорошо, мы отнесем его вниз, - сдался лейтенант.

- Славно, - сухо произнес Отто, - а теперь попрошу выйти.

- Шеф? – робко подал голос жандарм, стоящий у шкафа.

- Выполнять! – с явным неудовольствием распорядился Рубик.

- Господин доктор! Помогите! У меня дочь старшая, она болеет, - к Белоффу бросился второй жандарм. – Ей пятнадцать. У нее эта самая…Ну вы же знаете…

Напарник жандарма и Рубик застыли в изумлении. Услышанное стало для них откровением.

- Господин доктор! Она несколько дней вроде спокойная, а потом ночь не спит, мучается. Уже полгода так. Мы с женой извелись. А лекарства нет. Говорят, не производят сейчас…

Доведенный до отчаяния отец сильно рисковал. О таких вещах стоило помалкивать. Особенно если дело касалось несовершеннолетних.

- Вот! – трясущейся рукой жандарм вытащил из нагрудного кармана уже порядком замусоленную бумажку.

Хоть и неохотно, но Белофф все же взял протянутую записку.

- Странно, - прищурившись, Отто вчитывался в неаккуратный почерк.

В комнате воцарилось молчание. Жандарм с надеждой смотрел на доктора, а его напарник о чем-то переглядывался с лейтенантом.

- Клиника Хайнца возле Белградского вокзала, - Белофф вооружился карандашом. – Знаете, где это?

- Да, доктор, - тихо проговорил жандарм, словно боялся спугнуть удачу.

- Отдадите управляющему, - Отто что-то нацарапал на бумажке. – Вам подберут замену.

- Господин доктор … - жандарм попытался схватить ладонь благодетеля.

- Впредь следите за своими детьми, - Белофф отдернул руку и тут же нарочито громко и четко обратился к Рубику. – Господин лейтенант, уверяю, что надобности в служебном расследовании нет. Это не более, чем случайность. Надеюсь, у вас нет поводов сомневаться в моей компетенции.

- Угу, - вместо ответа пробурчал Петер.

Поступок Белоффа сложно было объяснить приступом человеколюбия. Случай был самый тривиальный. Просто девчонка один раз попробовала какой-то слабенький антигипнотик, но организм сразу дал сверхинтенсивную реакцию. Такое случалось. А дочь жандарма наверняка надолго запомнит этот урок.

- Вы свободны, - напомнил Белофф.

Осчастливленный жандарм, сжимая в кулаке драгоценную бумажку, хотел еще что-то сказать, но товарищ буквально вытолкал его за порог. Последним вышел Рубик, хлопнув дверью.

Оставшись один на один с подопечным, Отто тут же освободил рабочий стол. Все, что на нем находилось, было сброшено на пол.

Из саквояжа доктор извлек жестяную коробку и десяток бутылькoв. В коробке оказался изящный шприц в латунной оправе.

Приставив иглу, Отто осторожно принялся наполнять шприц содержимым одного из флаконов. Потом в ход пошел второй бутылек, а затем и третий.

Со стороны это походило на разновидность русской рулетки, но отмерявший все на глаз Белофф точно знал, что он делает.

Доктор, пренебрегая санитарными нормами, отложил в сторону наполненный шприц и вооружился скальпелем. С ловкостью портного Белофф распорол рукав на рубашке инженера.

От идеи колоть в предплечье пришлось сразу же отказаться. Из-за сильного обезвоживания вену практически невозможно было прощупать. К тому же мешала татуировка в виде механического солнца с циферблатом внутри. Больше всего это напоминало символ студенческого братства.

Что-то подобное было и у Белоффа. Когда-то пьяный старшекурсник наколол ему спящую змею. Это было обязательное условие для вступления в гильдию факультета. И пусть членство в таком полулегальном обществе не давало особых привилегий, но делало жизнь молодых людей куда веселее и интереснее, создавая ореол романтики и таинственности.

Доктор снова взялся за шприц. Надавив на поршень, Отто выдавил каплю.

Толстая игла с размаху вонзилась в ладонь изобретателя.

Поршень медленно пополз вниз.

Яновский не реагировал.

Что ж, все шло так, как и должно было идти.

Теперь оставалось только немного подождать.

Закончив с инъекцией, Белофф обошел комнату.

Как оказалось, господин Яновский был разносторонним человеком.

В одной и той же книжной стопке оказались «Секреты кулинара», «Классика театрального балета» и «Новейшая история оккультизма».

Но больше всего книг, конечно, было посвящено инженерному делу. При этом авторство сразу нескольких учебников принадлежало некому Игорю Гренкину.

Из любопытства Отто вытащил один из фолиантов.

С обложки надменно смотрел мужчина неопределенного возраста. На лацкане его пиджака красовалась фибула в виде уже знакомого механическое солнце. В комнате тут же обнаружился портрет Гренкина и его бюст, на которые Белофф поначалу не обратил внимание.

Яновский явно питал особый пиетет к этому человеку.

Положив книгу, оказавшуюся скучнейшим справочником, Белофф подошел к окну.

Отсюда открывался живописный вид на парк Жмуды. Он был назван в честь основательницы, которая была то ли художницей, то ли скульптором, то ли любовницей высокопоставленного чиновника. Вряд ли кто-то сейчас мог пересказать подробности жизни этой женщины, но ее наследие сохранилось и радовало горожан.

Все пространство парка было тщательно продумано. Петляющие дорожки, обрамленные булыжниками и валунами, и широкие аллеи с вечнозелеными деревцами сами по себе располагали к неспешным прогулкам. Власти не поскупились на узорчатые лавки, мраморные скульптуры и пруды с форелью. Во всем этом присутствовали нотки чопорности, но это только подчеркивало особую, в меру строгую, атмосферу, царящую в парке.

Послышался сдавленный стон, вырвавший Отто из созерцания.

Яновский наконец-то напомнил о себе. Лежащий на спине изобретатель вытянулся во весь рост. Его пальцы вцепились в карманы брюк, на лбу проступила испарина.

Без особых церемоний Белофф снова проверил зрачки, а потом и пульс пациента.

Результат доктора удовлетворил.

Забытье отступало, Яновский все глубже проваливался в настоящий сон.

Быстро собрав саквояж, Отто еще раз огляделся.

Злосчастная бутылка так и мозолила глаза.

Хорошенько взболтав остатки, доктор одним махом осушил бутылку.

День обещал быть длинным.

Глава 3

**Глава, в которой лекция пошла не по плану,
а лейтенант Рубик совершает ошибку**

«…как говорят невольные очевидцы этого нелицеприятного инцидента, Халямин, Ржец и Белоус, а также сопровождавшие их кокотки были изрядно захмелевшими. Игроки нововаршавского «Динамо» позволяли себе громкую брань и рукоприкладство. В результате половой ресторации «Сморгонь» и кое-кто из посетителей получили синяки и ссадины, что доставило им неимоверные душевные страдания. Бесспорно, господа футболеры достойны самого сурового порицания. Это не просто возмутительно, это…»

«Гимнастический вестник», Роман Шувалов

- … таким образом, малогабаритные жидкокристаллические индикаторы отличались низким энергопотреблением, что создавало предпосылки для их повсеместного использования. Электронные устройства данного типа были способны работать в автономном режиме несколько лет…

- А нам это точно нужно? – раздался чей-то голос.

- Кто это сказал? – профессор оглядел аудиторию.

Смельчак решил отмолчаться.

- Хорошо, пойдем другим путем, - спокойно продолжил Альберт Юрьевич. – Вот вы, молодой человека. Да, вы!

Профессор ткнул на ближайшего студента.

- Скажите, пожалуйста, для чего вам «История технологий»? – вкрадчиво поинтересовался профессор Синявский.

- Как зачем? – неожиданный вопрос поставил студента в тупик. – Ну, чтобы знать про технологии разные, которые раньше были.

- А вы что думаете? – профессор обратился к другому слушателю.

- Я? – и второго студента вопрос застал врасплох.

- Вы-вы! – повторил Альберт Юрьевич.

- «История технологий» нужна, чтобы изучать старинные приборы, - промямлил смуглый юноша, - и чтобы потом зачет получить.

- Ох, балбесы, - беззлобно выдохнул профессор.

Никто в аудитории даже и не думал обижаться на эти слова. Профессора любили и уважали. Даже самые закоренелые лентяи старались лишний раз не прогуливать лекции Синявского.

Альберт Юрьевич обладал удивительным талантом. Он, как никто другой, мог увлечь рассказом, полностью завладеть умами своих слушателей. Порой казалось, что он преподает не серьезную университетскую дисциплину, а делится байками из своего бурного прошлого. Словно он своими глазами видел все эти чудеса прошлого, все эти технологии и механизмы.

Однако этого просто не могло быть. Хотя профессору было уже за семьдесят, но все те громкие события случились задолго до его рождения. Поэтому студентам оставалась лишь верить на слово своему преподавателю. И они верили. Синявский совсем не походил на сгорбленного брюзжащего старика. Он сохранил живость ума, а благородная седина и старомодные очки делали его больше похожим на утонченного аристократа, чем на университетского преподавателя.

- Что ж, - усмехнулся профессор, - будем считать, что это был мой педагогический просчет.

По аудитории прокатились перешептывания.

- К своему огромному сожалению, я должен признать, - продолжил Альберт Юрьевич, - что за все это время так и не донес до вас саму суть моего предмета. А ведь мы с вами уже почти целый семестр. Давайте это спишем на мой преклонный возраст. Договорились?

Синявский хитровато подмигнул кому-то из студентов на первом ряду.

- Так вот, - словно желая подчеркнуть торжественность момента, профессор встал за кафедру, - дорогие мои, давайте раз и навсегда уясним, что суть «Истории технологий» заключается вовсе не в том, чтобы просто знать, какими машинами и агрегатами располагали наши предки.

Снова в аудитории послышалось удивленное шушуканье.

- На самом деле, «История технологий» мало похожа на историю в привычном ее понимании, - поправив очки, говорил Синявский, - В хронологической пыли вы будете рыться на занятиях госпожи Даменски. Но вы должны понимать, что та история, которую преподает Светлана Конрадовна, это всего лишь взгляд назад. И ничего более! И не надо мне тут говорить про опыт и ценности прошлых поколений. Они ничему нас не учат.

На пару секунд профессор замялся.

- Вы только не вздумайте передавать эти слова госпоже Даменски, - предупредил профессор, - вы же сами знаете эту даму. Найдут потом вашего покорного слугу со спицей для волос в шее.

Кто-то из студентов не смог сдержать смешков. Строгость и крутой нрав исторички были известны многим.

- Так вот, история – это всего лишь дань прошлому, - Синявский наконец-то подошел к главному. – С «Историей технологий» все совсем иначе. Благодаря ей вы получаете ориентир. На основе этих знаний вы будете знать результат, к которому нужно стремиться. А в идеале – превзойти его. В этом-то и кроется великое предназначение «Истории технологий».

Было видно, с каким почтением профессор относится к предмету, которому посвятил всю свою жизнь.

- Вы, прежде всего, должны научиться думать, рационализировать, - продолжал Синявский, - ваша задача, как будущих инженеров и созидателей, состоит в том, чтобы повторить технические успехи наших предков. И все это в условиях крайней нехватки ресурсов.

Профессор неожиданно покинул кафедру и принялся стирать с доски формулы и угловатые рисунки.

- Допустим, мы находимся здесь!

Поставив мелом на доске жирную точку, Альберт Юрьевич подрисовал рядом большую букву «А».

- Это наша … Вернее, ваша исходная позиция, - с другой стороны доски профессор нарисовал букву «Б». – А нам нужно попасть сюда. Что это за точка? Ну, пусть это будут жидкокристаллические индикаторы, про которые мы уже говорили. У вас есть исходные данные и цель, которую нужно достичь. Другими словами, вам нужно заново изобрести жидкокристаллические индикаторы. Вы примерно знаете, как они работают и для чего они предназначены.

Профессор нарисовал прямую линию от точки «А» к точке «Б».

- Боюсь, что коллеги с математического факультета подвергнут меня анафеме, но в данном случае я буду утверждать, что в нашей с вами ситуацией кратчайшей дорогой к «Б» будет вовсе не прямая.

Синявский увлеченно принялся рисовать между точками петляющую линию.

- Вот так! Не забывайте, что многие промежуточные технологии просто утеряны. Вам придется искать обходные пути, чтобы создать свои жидкокристаллические индикаторы.

- Профессор! – вскинула вверх руку девушка с первого ряда.

- Да, Агнесса, - Синявский с интересом посмотрел на студентку.

- А что если наши предки шли не тем путем?

- Простите, что? – удивился профессор.

- Если они ошибались, - девушка начала запинаться, подбирая нужные слова. – Если они не так придумывали…Неправильно…

- Смелее-смелее, - подбадривал Синявский.

- А вдруг они изначально все усложнили, - набравшись смелости, сказала Агнешка, - Может, эта прямая и не прямая вовсе? То есть, мы-то думаем, что прямая, но, на самом деле, есть какое-то другое, более простое решение. Просто наши предки до него не додумались.

- А вот это блестяще! – воскликнул Синявский. – Вы большая молодец, Агнесса!

Слова профессора заставили девушку вспыхнуть румянцем.

- Вы делаете очень интересные выводы, - профессор потряс указательным пальцем. – Очень! То есть, вы начинаете рассуждать, мыслить во имя созидания. И меня это радует. Сама суть «История технологий» вполне допускает, что в какой-то иной сфере все могло сложиться совершенно иначе, если бы ученые по-другому подошли к проблеме.

Альберт Юрьевич пристально посмотрел на студентку, словно видел ее впервые.

- Агнесса, я вас поздравляю. Вы вышли из плоскости. Вы противопоставили логике логику, тем самым эту логику доказав. Вы продемонстрировали и мне, и своим товарищам, что вам присуще нестандартное мышление. А это отличительная черта людей, за счет которых и происходит прогресс.

Отряхнув руки от мела, Синявский сделал пару шагов вперед.

- У вас отличные перспективы, моя дорогая. Просто отличные! – подытожил профессор.

При всей своей любознательности и научном рвении в такие моменты Агнешке всегда становилось неловко. Она не любила быть в центре внимания.

- Наши предки многого достигли, но не стоит их идеализировать, - воодушевленный профессор даже слегка повысил голос. - Очень может быть, что они что-то упускали из виду, когда вели свои изыскания. Поэтому можно предположить, что они шли длинной дорогой, когда что-то изобретали. Технический потенциал избаловал их, у них было больше возможностей, больше оборудования и материалов. Мы же такой роскошью не располагаем. Нам нужно выжимать максимум из минимума.

На несколько секунд Синявский умолк, окидывая взглядом аудиторию.

- Вот, к примеру, дирижабли, - снова заговорил профессор. – А вы знаете, что наши предки добровольно отказались от их использования? Кто-то посчитал, что они слишком опасны и тихоходны. В подавляющем своем большинстве дирижабли того времени не могли развить скорость свыше ста пятидесяти километров в час. Предки сделали свой выбор в пользу тяжелой авиации. У нас такого выбора просто не было. На бумаге мы знали, как построить реактивный самолет, но на деле это оказалось нам не под силу. И тогда мы поняли, что пока наш удел – это дирижабли. И мы этот шанс использовали. Крейсерская скорость современных дирижаблей почти двести километров в час!

- Двести тридцать! – кто-то с галерки самонадеянно решил поправить профессора.

- Вот! Даже двести тридцать, - не стал спорить Синявский. - И я уверен, что этот показатель будет только расти. Когда-нибудь дирижабли будут летать со скоростью и пятьсот километров, и даже быстрей. Только представьте, даже самые обычные люди смогут добраться из Новой Варшавы до Гринвича за каких-то пять-шесть часов.

Приводимые профессором цифры большинству студентов казались фантастическими.

- Да, конечно, кое в чем нам действительно повезло, - признал профессор. – Например, последствия ДЛК открыли нам доступ к дешевому гелию, которым мы накачиваем аэростаты. Но тут нужно понимать, что везение, наука и технологический рывок очень могут быть звеньями одной цепи. Многие открытия прошлого так и совершались – кому-то просто повезло.

Некоторые из студентов пытались хоть как-то конспектировать услышанное, но поспевать за речью разошедшегося профессора было нелегко.

- Но хватит о дирижаблях! Об авиации мы еще с вами отдельно поговорим, - спохватился Альберт Юрьевич. – Вернемся к вопросу, который нам подсказала наша умница Агнесса.

Профессор кивнул на студентку, которая тут же уткнулась в тетрадь.

- Смотрите, у нас есть точки «А» и «Б», - Синявский снова повернулся к доске. – Итак, мы должны заново изобрести жидкокристаллические индикаторы. И вот мы движемся.

Мел опять заскользил по доске.

Альберт Юрьевич принялся тянуть новую линию из точки «А». Вот только эта линия получалась какой-то слишком уж замысловатой. То она делала резкие повороты, то шла пунктиром, то выписывала кольца.

- Вот! – профессор наконец-то оторвался от своего странного занятия.

Студенты с удивлением обнаружили, что Синявский так и не дотянул линию до буквы «Б». Вместо этого профессор поставил новую точку.

- Обозначим это место прекрасной литерой «Ю»! – возвестил профессор, тут же подрисовав пузатую букву.

Немного полюбовавшись своим творением, профессор повернулся к аудитории.

- А вот теперь представьте, - в голосе Синявского появились нотки мечтательности, - вот изобретаете вы жидкокристаллические индикаторы, ночами не спите, работаете, а в конечном итоге приходите к другому, более качественному открытию. И это самое открытие нивелирует ценность вашей первоначальной цели.

По лицам студентов было понятно, что далеко не все понимают, к чему клонит профессор.

- Поясню, - смилостивился Альберт Юрьевич, - вы пытались создать эти индикаторы, но изобрели что-то лучшее. И после этого сама необходимость в жидкокристаллических индикаторах отпала. В этом и есть одно из важнейших предназначений «Истории технологий». У вас впереди еще целый семестр, чтобы понять всю ее суть.

Профессор нарочно сделал паузу, дав студентам возможность переварить эту мысль.

- А что вы в итоге изобрели вместо жидкокристаллических индикаторов? – риторически спросил Синявский. - А не важно, это может быть что угодно …

- Голографические экраны, – снова с галерки послышался все тот же голос.

- Ого! – профессор от радости даже хлопнул в ладоши. – Смотрю, кто-то опережает нашу университетскую программу. Это похвально. Агнесса, кажется, у вас появился достойный конкурент.

Девушка вместо ответа лишь еле заметно вздернула носик. Где-то позади нее по аудитории поползли тихие перешептывания.

- Благодарю вас, мосье профессор! – весело отозвался неизвестный нарушитель дисциплины. – Я много чего интересного могу рассказать. И показать.

Эта вальяжность граничила с дерзостью.

Агнешка даже не могла понять, кто позволяет себе так развязно разговаривать с преподавателем. Все, кто мог похвастаться своими знаниями, сидели впереди.

- Как я погляжу, кто-то тут уже метит на мое место, - Синявский наконец-то поднял голову, чтобы получше рассмотреть наглеца.

- Ни в коем случае. Меня вполне устраивает мое.

Лицо профессора расползлось в улыбке.

- Жаль, молодой человек, что я вас давно не видел на своих лекциях.

- Простите, дела. Сами понимаете.

От таких слов Агнешку даже немного покоробило. Занятия для нее были превыше всего.

- Охотно верю, - а вот профессор не был столь категоричен. – Скажите, а вы здесь с самого начала?

- Увы, опоздал.

А между тем перешептывания нарастали.

- Будьте так любезны, встаньте, - неожиданно попросил Синявский, - чтобы все вас могли видеть.

Аудитория загудела.

Похоже, лекция была окончательно сорвана.

Не выдержав, Агнешка повернулась.

Стоящий наверху лощенный мужчина в дорогом васильковом пиджаке мало походил на студента.

Тоненькие усики, широкое лицо с мощным подбородком, слегка вьющиеся песочные волосы – все это сложно было не узнать.

- Дамы и господа, я не знаю, как так получилось, - изрек профессор, - но имею честь представить вам…

Кто-то преждевременно зааплодировал.

- Юлиус Вернер!

*****

Разместиться в узком лифте вместе с бессознательным Яновским не представлялось возможным. Поэтому пришлось спускать его по лестнице, используя вместо носилок старое покрывало.

Медицинская карета уже ждала у входа.

- Могли бы и сами за ним сходить, - проворчал Клевец, глядя как два дюжих санитара вытаскивают кресло-каталку.

Если сержант и высказывал свои недовольства, то делал это очень осторожно. Недавнее общение с доктором Белоффым послужило хорошим уроком.

- Вы вовремя. Я думал, что вас еще придется ждать, - отдал должное Рубик.

Один из санитаров вместо ответа лишь неопределенно пожал плечами.

- А это не слишком? – поинтересовался лейтенант, глядя на то, как руки Яновского ремнями пристегивают к подлокотникам.

- Инструкция, - буркнул санитар из-под марлевой повязки.

Хотя ничего подобного лейтенант раньше не видел, в этом был смысл. От гипномана можно было ожидать чего угодно.

- Вы же из госпиталя? – на всякий случай решил удостовериться Рубик.

- Угу.

Санитары явно торопились, в их движениях была излишняя суета.

Кресло с пациентом никак не хотело проходить в двери стоящей под парами кареты.

Схватив гаечный ключ и приспустив повязку, санитар принялся что-то подкручивать у каталки.

Со стороны это смотрелось странно.

- Сержант, - спокойно, чтобы не привлекать внимания, Рубик обратился к подчиненному.

Договорить лейтенант не успел.

С гулким тарахтением возле дома затормозил еще один экипаж.

- Кто тут лейтенант Рубик? - из паромобиля выскочил мужчина в белом халате. – Я за пациентом.

Лейтенанту уже приходилось раньше видеть этого молодого фельдшера.

Тут все и сложилось.

К чему эти медицинские маски? Санитары казались слишком чистыми и опрятными для такой работы, а их выправка напоминала армейскую. Не могут люди, работающие в госпитале, быть настолько сосредоточенными и вышколенными. В этих двоих не чувствовался тот самый цинизм, который помогает не свихнуться на такой службе. А еще они не источали каких-либо запахов. Совсем.

Теперь даже медицинская карета выглядела подозрительно. Она явно была новой, а Городской Собор с большой неохотой шел на подобные траты.

- Документы! – рявкнул на лжесанитаров Рубик и тут же ему в лоб прилетел гаечный ключ.

Лейтенант покачнулся и упал на колени.

По лицу покатились струйки горячей крови.

- Руки вверх! – заверещал Клевец, судорожно схватившись за кобуру.

Стоявший у парадного входа жандарм вскинул винтовку, но сидевший в кабине шофер, до этого не обозначавший своего присутствия, оказался быстрее.

Раздался выстрел.

Увальня в разорванной кирасе откинуло к стене.

Удивительно, но самым расторопным оказался тот самый фельдшер, успевший юркнуть за свой паромобиль.

- На землю! – заорал один из санитаров.

Каким-то непостижимым образом в одной его руке оказался револьвер, а во второй что-то очень похожее на гранату.

- Умоляю! Не стреляйте! – взмолился сержант.

- Быстро! На землю! Все! – снова потребовал бандит.

Жандармы повиновались.

А тем временем сообщник, навалившись всем телом, все же втолкнул кресло-каталку в карету.

- Гони! – закричал санитар, запрыгивая на подножку.

Паровая карета одним рывком сорвалась с места.

На мостовую полетела граната.

Раздался резкий свист.

Улицу тут же заволокло густым удушающим туманом.

Лежащие на земле жандармы стали заходиться в истошном кашле, их глаза начали нестерпимо слезиться.

Кое-как Рубик встал на четвереньки. На губах чувствовался солоноватый привкус. В ушах саднило.

- Помогите! Охрана! – где-то наверху послышался истошный женский визг.

Лейтенант попробовал что-то сказать, но вместо этого получилось лишь сдавленное бульканье.

Чьи-то сильные руки подхватили Рубика и потащили в сторону.

- Брось…Мои люди…, - через силу пробормотал лейтенант.

Невидимый благодетель то ли не слушал, то ли не хотел слушать.

Протащив Рубика пару десятков метров, спаситель быстро и умело принялся перебинтовывать пострадавшему голову.

- В кого-то попали? – лейтенанта это сейчас волновала больше всего.

- Керамика. Не опасно.

Это был все тот же молодой фельдшер. Не поддавшись панике, он снова сориентировался самым первым.

- Не дергайтесь, - предупредил медик. – Череп у вас крепкий. Поздравляю.

Рубик нервно улыбнулся.

Горло нестерпимо першило, но дым уже начинал рассеиваться.

Сквозь серую пелену можно было рассмотреть сгорбленные силуэты других жандармов.

И вот тут-то и начало доходить понимание произошедшего.

Это был провал. Катастрофа.

Винить в этом Рубик мог только себя. Ведь именно он позволил себе расслабиться.

Матерый служака не просто мог, он был обязан сразу же рассмотреть, что с этими санитарами не все так просто. В итоге пострадали люди. Его люди!

За эту преступную небрежность обязательно спросят. Лейтенант не боялся ответственности, куда тяжелей ему было переносить собственные терзания. Его обманули, обвели вокруг пальца как сопливого стажера. И для этого не потребовалось особых усилий. Эта показательная простота угнетала больше всего.

- Куда?.. Куда они поехали?

Рубик и сам понимал, что вопрос прозвучал глупо, но ничего с собой поделать не мог. Мысли путались, подкатывал приступ тошноты.

- Туда, - неопределенно ответил фельдшер, затягивая тугой узел. – Голова пока поболит. Глотайте.

Без всякого стеснения молодой человек сунул лейтенанту в рот пару таблеток. Рубик и не думал сопротивляться.

К месту событий начали стягиваться зеваки.

Надо было поскорее с этим заканчивать, пока не приехали репортеры и не стали задавать ненужные вопросы. История в любом случае просочится в газеты, но пока еще можно было избежать всех подробностей.

- Помоги встать, - хрипло попросил лейтенант.

О погоне не могло быть и речи.

Глава 4

**Глава, в которой доктор отправляется гулять по городу,
но попадает в ловушку**

«…в Городском Соборе заявили, что не пойдут на поводу у смутьянов, которые подталкивают профсоюзы к стачке. Имена этих проходимцев хорошо известны, и можно не сомневаться, что в скором времени их ждет наказание. За все нужно отвечать. Новая станция метрополитена будет достроена, хотя сроки существенно сдвинулись. Это будет односводчатая кирпичная станция мелкого заложения. Благодаря ей жители дальних предместий Большого Заозерья смогут за каких-то полчаса добраться до центра…»

«Первый паровой», Гаврила Баль

Уже на выходе Отто приподнял котелок, чтобы попрощаться с профессором Михайловским. Так было принято, если ты надолго собирался покинуть это место.

Позеленевший от времени бронзовый памятник профессору много лет занимал вымощенный пятачок у дверей госпиталя. Скульптор почему-то захотел запечатлеть Михайловского еще вполне молодым человеком. В учебниках отца современной сомнологии куда чаще изображали умудренным старцем.

Отлитый в полный рост профессор задумчиво смотрел куда-то вдаль, слегка ссутулившись и заложив руки за спину. Рядом с его левым ботинком лежала горстка разноцветных леденцов. Так студенты расположенной неподалеку медицинской академии пытались задобрить Михайловского в расчете на удачную сессию.

А еще студенты на праздники подрисовывали памятнику торчащую из кармана халата бутылку. Если к конфетам на постаменте госпитальное начальство относилось благодушно, с этой традицией нещадно боролось. Впрочем, безуспешно. Из года в год ситуация повторялась, бутылка появлялась снова и снова.

Любил ли профессор Михайловский в то смутное время залить за воротник или нет - вопрос десятый. Но сорвиголовы считали делом чести выполнить этот ритуал.

Отойдя на полсотни метров, Отто остановился и окинул взглядом фасад госпиталя.

Сложно было отнести его к шедеврам архитектуры, но своя прелесть в нем была. Массивные стены и стрельчатые окна делали госпиталь похожим на древнюю крепость. Все три этажа казались монолитом, словно они были не сложены из камня, а вырублены в скале. Никаких барельефов, портиков или колоннад – лишь скупой матовый блеск.

Щемящих чувств Белофф не испытывал.

- Мое почтение! – прощание и так затянулось.

Развернувшись, доктор быстрый шагом направился прочь.

Шофер в очередной раз отпросился по своим делам, поэтому Отто решил добираться пешком. Приличное расстояние не пугало, наоборот, давало возможность еще раз все обдумать.

Нововаршавский академический госпиталь имени Михайловского располагался в глубине административных кварталов. Поэтому сначала нужно было выйти ко Второй Механической, пройти немного в сторону центра, а уже потом свернуть на тихую и уютную Флюгерную.

Так Отто и сделал.

Вторая Механическая привычно встретила пылью и шумом. В этом она была неотличима и от Первой Механической, и от Четвертой Механической. А вот Третьей Механической по какой-то причине в городе не было. Вот такая нелепица.

- Садитесь - вмиг домчу! – водитель стоявшей на обочине трехколесной велоколяски сделал приглашающий жест.

Отто промолчал, ясно давая понять, что ему это неинтересно.

Натужно сопя, словно на последнем издыхании, мимо прополз паровой трамвай, ведомый огромной колесной парой. А через несколько секунд семафор выбросил белый флажок для пешеходов.

Белофф не стал торопиться, благоразумно пропустив вперед небольшую процессию кришнаитов, на ходу певших и стучавших в барабаны.

И только оказавшись на противоположной стороне, Отто, наконец-то, прочувствовал, что теперь сам будет распоряжаться своим временем. Это еще не означало полной и безоговорочной свободы, но руки развязывало.

- Небось, Шлычков к себе в частную клинику сманил? – спросил на прощание Щавель, подписывая бумаги о временной приостановке контракта.

- Нет.

Такой ответ вполне устроил патрона. Гипнотический и Антигипнотический Контроль всегда славился своей закрытостью. Даже внутри ГАКа излишнее любопытство не одобрялось. Если Белофф принял такое решение, то, значит, у него были на то веские основания.

Пройдя еще пару сотен метров, Отто вывернул на Флюгерную улицу.

Разительные отличия чувствовались сразу. Брусчатка уже не выглядела такой разбитой и пошарпанной, самодельные вывески а-ля «Почин печатных машин» не резали глаз, исчезли назойливые уличные торговцы. Здесь вместо однообразных коробок из бурого кирпича стояли вполне симпатичные модерновые домики. Эта длинная изогнутая улица, оторванная от окружающей суеты, сама собой располагала к праздным прогулкам. А еще было сразу заметно, что Флюгерную метут куда чаще и усерднее, чем ту же Вторую Механическую.

Отто сбавил шаг.

Впереди показался Архиерейский пруд.

Когда-то сквер, обрамлявший этот почти квадратный водоем, пользовался огромной популярностью у молодежи. Темная аура этого места и многочисленные демонические истории манили юнцов. В любое время здесь можно было встретить развеселые компании.

А потом это место облюбовали состоятельные горожане, принявшиеся скупать все окрестные дома. Буквально за пару лет Архиерейский пруд превратился в респектабельный район, а новые хозяева принялись устанавливать свои порядки.

С тех пор тут поселилась скука.

Острые языки даже предлагали переименовать улицу в Бульвар Пенсионеров.

- А господин не угостит сигареткой? – с ближайшей лавочки соскочили две размалеванные девицы.

- Не угостит, - флегматично ответил Отто. – Но может рассказать про асупрахиазматию.

- Что? - растерянно спросила одна из девушек.

- Патология, - объяснил доктор, - у младенцев. Она случается, когда беременная барышня принимает синтетические антигипнотики. Ребенок дольше трех дней не живет. Умирает, так ни разу не уснув.

- Ой! – ужаснулась вторая подружка.

- Ой, - подтвердил Отто.

Белофф и не думал кого-то запугивать. Это было предупреждение. Девушки явно были в группе риска. А судя по их обескураженным лицам, юные особы поняли, кто именно перед ним стоит.

В Новой Варшаве сомнологов боялись и уважали одновременно.

Задерживаться Отто не стал. Просветительская работа никогда его не прельщала. Пищу для размышлений он и так дал, теперь можно было озаботиться и о собственном ужине.

Хотя Белофф давненько не был на Флюгерной, но воспоминания подсказывали, что где-то впереди располагалась вполне приличная таверна. Приличная – это значило, что там можно было без опасений заказать похлебку из рубцов и выпить кружку пива.

В большинстве своем нововаршавяне предпочитали простую, но сытную пищу. Местные гурманы вынуждены были либо довольствоваться несколькими ресторанами в центре, либо ехать ради изысканной кухни в соседний Белград. И то и другое стоило весьма недешево.

Отто же был непритязателен. Для него еда никогда не служила поводом для наслаждения. Любую трапезу доктор воспринимал всего лишь как восполнение жизненных потребностей.

Невесть откуда взявшийся порыв ветра чуть не сорвал с головы котелок. Лишь в последний момент Белофф успел свободной рукой перехватить головной убор, чтобы потом не гнаться за ним по всей улице.

Единственное, о чем сейчас жалел доктор, так это о том, что не догадался отправить свой саквояж домой вместе с посыльным. Эта ноша уже оттягивала плечо.

В это время дорога была почти пустой, а пешеходы попадались лишь изредка.

Поэтому выскочивший из-за спины Белоффа паромобиль сразу же привлек к себе внимание.

Проехав чуть вперед, серый поблескивающий фургон остановился.

Хлопнули дверцы. Из паромобиля торопливо выбрались двое.

Чутье настойчиво подсказывало, что это неспроста. И с каждым шагом это ощущение только усиливалось. Можно было, конечно, развернуться и броситься наутек, но Белофф сразу же отверг такую идею. Если захотят догнать – догонят. Да и не любил Отто бегать.

- Господин доктор Отто Белофф? – с ходу начал один из мужчин.

Из-за черных бушлатов этих двоих можно было бы принять за обычных матросов, но никаких опознавательных знаков у них не было.

- Ошибаетесь, - холодно ответил Отто, намереваясь пройти мимо.

Лысый здоровяк тут же преградил доктору дорогу:

- А мне кажется, что вы именно Белофф.

Бросалось в глаза то, что у этого матроса вместо руки была механическая клешня.

- Пропустите, - Отто пристально посмотрел в глаза здоровяку.

- С вами хотят поговорить, - поспешил вмешаться первый мужчина.

- Мне это неинтересно.

Внутри фургона послышалось какое-то шевеление. Там определенно был кто-то еще.

- Мы ж по-хорошему просим, - угрожающе сказал лысый, - а можем и по-плохому. Давайте не будем до этого доводить.

Эти парни явно знали, что такое хорошая потасовка.

- Пожалуйста, не упрямьтесь, - первый матрос попробовал смягчить тон разговора, - вам ничего не угрожает. Просто садитесь в фургон. Обещаем, что потом отвезем вас, куда скажете.

- До свидания, - Отто ясно давал понять, что разговор окончен.

Доктор не привык терпеть подобное отношение к собственной персоне. Если он действительно кому-то нужен, то с ним могли связаться каким-то другим способом, а не подсылать костоломов.

- Послушай сюда! Ты! – лысый начинал терять терпение. – Ты поедешь с нами и сделаешь то, что тебя попросят!

- Не уверен, - покачал головой Белофф.

- Последний раз говорю, поехали с нами! – лысый угрожающе сжал клешню.

Чего-то подобного Отто и ожидал.

Лишь далекий от жестокой реальности человек мог полагать, что работа сомнолога безопасна и безмятежна. Служебная необходимость приводила Белоффа не только в респекта-

бельные дома, периодически приходилось спускать на самое дно Новой Варшавы. И далеко не всегда была возможность спрятаться за широкими спинами жандармов.

Сделав шаг назад, Отто молниеносно выхватил пистолет из внутреннего кармана пальто.

- Эй, ты чего? – оторопевший лысый уставился на оружие, направленное ему в грудь. – Не дури, убери пушку.

До матросов начало доходить, что стоящий перед ними человек не будет долго сомневаться перед тем, как спустить крючок.

- До свидания, - повторил Белофф.

Четырехствольный «Хорек» был прелюбопытнейшей вещицей. Мастера прославленной артели Д`Ожено иногда удивляли чем-то этаким, но здесь они даже чуточку перестарались. Укороченный, несоразмерный, угловатый – «Хорек» больше походил на неказистую игрушку.

Вот только этот маленький хищник мог в ком угодно за одну секунду наделать сразу несколько одинаковых отверстий. Знатоки ценили «Хорька» за его надежность и компактность. Некоторые коллекционеры готовы были отвалить кругленькую сумму за эту редкую штуку.

- Не надо горячиться, - медленно проговорил напарник лысого. - Мы все вам объясним.

- Это лишнее, - Отто искоса поглядывал на фургон, чтобы ненароком не пропустить появления новых действующих лиц.

Матросы и не думали отступать. Их даже не смущало то, что эту сцену, сначала напоминавшую банальное ограбление, может кто-то увидеть.

- Доктор, нам сказали, что это важно, - первый матрос говорил так, словно боялся наболтать лишнего. – Дело касается бледной лихорадки.

Эти слова заставили Отто опустить пистолет.

*****

- Тут лет двадцать никого не было, - Игла встряхнула очередную папку.

В свете стоящего на полке стеклянного фонаря можно было увидеть поднявшееся облачко пыли.

- Надо поторапливаться, - высокий мужчина в шапокляке деловито перебирал соседний стеллаж.

- Я говорила, что нужно ночью идти, - капризно проговорила девушка.

Воодушевление уже сошло на нет. Вся затея казалась скучной и бесполезной. К тому же, этот спертый воздух вызывал отвращение.

- Ночью мы бы сюда не попали, - возразил Валет. – Все двери запираются, а распорядок сторожей мы не знаем.

А ведь изначально план казался простым и элегантным. Нужно было раствориться среди посетителей, найти малоприметную дверь, а уж потом по заброшенным коридорам добраться до архива.

За последние десятилетия здание главной библиотеки неоднократно перестраивалось. Что-то сносилось, что-то возводилось, а что-то из-за ненадобности просто запечатывалось. И если с верхними этажами все было более-менее понятно, то подвалы представляли собой один сплошной лабиринт.

- Может, тут и нет того, что мы ищем? – Игла решилась высказать свои сомнения.

- Это исключено. Люди надежные, - мотнул головой Валет. – Как бы мы вообще сюда попали?

Этот довод показался девушке вполне убедительным. Если в точности не знать дороги, то эту комнату точно не найти.

- Валет! Валет, глянь, что я нашел! – в проходе между стеллажами показался Домкрат.

Особой надобности в кличках не было, но Валет настоял на том, чтобы сегодня все друг к другу обращались именно так. Темная одежда и плащи тоже были его идеей, а когда спускались в подвал Валет даже нацепил на себя черную полумаску.

- Что там у тебя? – оживился предводитель.

- Вот, - довольный собой Домкрат протянул амбарную книгу.

Сжимая в кулаке динамо-фонарь, Валет принялся свободной рукой листать страницы.

- Протокол…Ага... Виктор Грачев повешен за участие в мятеже. Антон Юшко повешен за участие в мятеже и мародерство. Юрий Поппель…, - начал торопливо читать вслух Валет. – Повешен. Повешен. Оправдан. Повешен…

Осторожно заглянув через плечо товарища, Игла попробовала разобрать выведенные кем-то аккуратные строчки.

- Что там? – спросила девушка.

- Это про торфяной бунт, - Валет захлопнул книгу.

- Торфяной? – удивился Домкрат.

- Да, потом объясню, - Валет не стал тратить время на исторический экскурс.

- Это оно? – с надеждой спросила Игла.

- Не совсем, но мы на правильном пути, - Валет отложил книгу в сторону. – Заберем с собой.

Слова предводителя приободрили Иглу и Домкрата.

- Люди достойны знать правду! Все поймут, что столько лет жили во лжи, - Валет заговорил так, словно снова председательствовал на собрании их тайного кружка. – Народ сметет нечестивцев. Истинные герои обретут величие. Все узнают, какие преступления скрывались за Ледяным походом и Союзом Одиннадцати…

Разглагольствовать Валет мог еще долго, но его прервали.

- Там еще один проход!

Юркий коротышка появился словно из ниоткуда.

- За шкафом! – радостно объявил Болт.

От неожиданности Валет и Игла вздрогнули.

Даже в потемках было видно, что у предводителя появилось жгучее желание отвесить хорошую оплеуху самому юному члену их четверки.

- Ты где был? – со злостью спросил Валет.

- Да говорю же, в соседней комнате! – не почувствовав никакой угрозы, затараторил Болт. – Я смотрю, за шкафом щель какая-то. Ну я шкаф подвинул, а там коридор. Узкий совсем, только бочком можно. Надо будет посмотреть, что там есть…

- Нет, у нас дело, - довольно грубо прервал Валет. – Или ты забыл?

- Я только посмотрел, - засмущался Болт.

- Некогда разговаривать, - спохватился Валет, - надо искать! Я уже чувствую, что это где-то совсем рядом.

Предводитель снова повернулся к полкам.

- Лишнее сразу на пол, чтобы не мешалось.

Все с азартом принялись за работу.

Папки и журналы падали вниз, в разные стороны разлетались полуистлевшие листы, шелест бумаг не утихал ни на секунду.

- Что найдете – тащите сюда! – командовал Валет.

О тщательном осмотре не могло быть и речи. Заговорщикам явно приходилось рассчитывать лишь на удачу.

- О! Глянь! Тут написано про тайны Ледяного похода! - воскликнул Домкрат.

- Дай сюда! – Валет жадно выхватил книгу.

Но заинтересованность тут же сползла с лица предводителя.

- Это беллетристика, - разочарованно проговорил Валет. – Понимаешь? Роман, выдумка! Тут же написано, что автор Антон Булгарин!

- А как она сюда попала? – растерянно пробормотал Домкрат.

- Не знаю! – рявкнул Валет. – Это ж пропаганда столетней давности. Ты сначала смотри, а потом говори.

А между тем стопка отложенных документов росла. И нужно было еще придумать, как это все вынести из библиотеки.

- Слышите? – Игла замерла на месте.

- Что? – покрутил головой Валет. – Я ничего не слышу. Не придумывай.

- Ой, я тоже что-то слышу, - подал голос Болт. – Как будто жужжит что-то.

- Всем тихо! – Валет решил все-таки довериться товарищам.

В комнате воцарилась тишина.

Откуда-то сверху, действительно, доносился какой-то надрывный однообразный звук. И с каждой секундой этот звон слышался все отчетливей.

- Это сирена! – ужаснулась Игла. – Они подняли тревогу.

- Может, учебная? – с надеждой в голосе предположил Домкрат.

Игла затравленно озиралась, Домкрат и Болт с непониманием смотрел друг на друга.

Первым в себя пришел Валет.

- Бежим! Кто-то нашел взломанную дверь!

Все четверо рванули к выходу.

- Стой! – прошипел Валет, двумя руками вцепившись в дверной проем.

Где-то впереди маячил приближающийся огонек.

- Они идут сюда, - предводитель перешел на громкий шепот.

- Во что ты нас втянул! – девушку начало трясти.

- Заткнись, - у Валета тоже начали сдавать нервы.

- Эй, не надо так, - Болт попытался заступиться за подругу.

- И ты заткнись!

Напряжение нарастало. По гримасе вожака было видно, что он уже готов вцепиться в горло Болту.

- Там кто есть? А ну, выходи! – донеслось из глубины коридора.

Валет оскалился и достал из-за пояса револьвер.

- Ты же обещал, что оружия не будет! – Игла уже не боялась быть услышанной. – Ты обещал.

- Революции без крови не бывает, - зловеще проговорил Валет.

- Ублюдок! – девушка уже была готова броситься на того, кто еще совсем недавно был для нее непререкаемым авторитетом.

Но Валет уже не слышал этих оскорблений. Вскинув револьвер, он дважды нажал на курок, явно целясь в горящий впереди фонарь.

- Нет! - выстрелы слились с истошным воплем Иглы, - Сергей, не надо…

- Я Валет!

Вряд ли вожак в кого-то попал, но почти сразу же ответные пули выбили остатки старой штукатурки над дверью.

- Я живым не дамся! – прокричал предводитель и снова спустил курок.

На этот раз револьвер лишь беспомощно щелкнул.

Взбешенный Валет продолжал жать, но результат был одним и тем же. Спусковой механизм окончательно заклинило.

- Бросай оружие! – снова донеслось из коридора.

- Мы пропали, - Игла готова была разрыдаться.

В коридоре послышался топот тяжелый сапог. Сторожа, словно почуяв что-то, бросились вперед.

- Шкаф! – спохватился Болт. – Проход! Я говорил!

Только что ситуация казалась безвыходной, но промелькнувший лучик надежды тут же приподнял дух.

- Болт, веди! - к предводителю вернулось самообладание.

Мгновенно взяв себя в руки, Игла бросилась в архивный зал.

- Не туда, налево! – закричал Болт девушке вслед.

Бесцеремонно толкаясь плечами, следом выскочил сам Валет.

- В углу! – снова прокричал Болт, подсказывая путь к спасению.

Предводитель едва не покатился кубарем, налетев в темноте на Иглу.

- Помоги, - взмолилась девушка.

Злополучный плащ, на котором так настаивал Валет, намертво зацепился за угол стеллажа. Негнущимися пальцами Игла пыталась распутать завязку, но все усилия были тщетны.

- С дороги, - гаркнул Валет, даже не думая останавливаться.

Времени оставалось мало. Преследователи должны были быть уже совсем близко.

Прямо на ходу Валет схватил с полки пару папок и стеклянный фонарь.

Он всегда считал, что готов умереть за свои идеалы, но вот именно сейчас ему безумно захотелось жить. И жить на воле, а не в тюремной камере.

Где-то рядом раздался звук рвущейся ткани.

Похоже, кто-то из парней все же решил помочь Игле.

Но это уже мало интересовало предводителя.

Его короткий, но яростный забег окончился.

За покосившимся шкафом, действительно, зиял лаз.

Тяжело задышавший Валет со всего маха швырнул фонарь на пол.

Крупный стеклянный осколок неприятно чиркнул вожака по щеке.

Вырвавшийся из колбы огонь принялся пожирать разбросанные бумаги.

- За мной, - еле слышно, скорее для очистки собственной совести, прохрипел Валет.

Не дожидаясь остальных, он просто нырнул в спасительную щель.

Глава 5

**Глава, в которой все началось с рояля,
а продолжилось плясками**

«…но если вы думаете, что это было всего лишь сборище скучных языковедов, то вы сильно заблуждаетесь. Вокруг речевого этикета на конференции «Словио нашего времени» кипели нешуточные страсти. До рукоприкладства, конечно, не дошло, но собравшиеся не особо стеснялись в выражениях, что сделало бы честь любому сапожнику. Большой резонанс вызвало выступление Джулии Стадник, чьи широкие познания и вклад в развитие словио сложно переоценить. К единому знаменателю участники встречи так и не пришли, но в итоге была подписана хартия о защите языкознания…»

«Культура и искусство», Марта Гучко

Анатоль в очередной раз с любовью провел по клавишам.

Сердце трепетало от одного только прикосновения.

Музыка… Музыка должна звучать вечно!

Это был «Imperial Bösendorfer».

Массивный и благородный – он до глубины души поражал своим красотой и той силой, которая таилась внутри. Все его девяносто семь клавиш так и манили, обещая бездну истинного удовольствия и нескончаемую негу.

Многие детали рояля уже были заменены, и звучал он теперь совсем иначе, но в нем сохранился сам дух ушедшей эпохи.

Эти жалкие ничтожные людишки даже представить себе не могли истинную ценность этого сокровища. И это не просто злило Анатоля, все внутри музыканта клокотало от безудержной ненависти.

Музыка… Музыка должна звучать вечно!

За многие годы он стал первым, кому посчастливилось сесть за «Imperial Bösendorfer». А потому Анатоль считал, что только он имеет право быть единственным обладателем этого инструмента. И молодой человек не отдаст его. Никому. Никогда.

Слюна сорвалась с нижней губы.

- Примерно вот так, - сказал мужчина, наблюдавший со стороны за музыкантом.

Анатоль закрутил головой.

Кто это? Зачем они тут?

А если они хотят забрать эту дорогую вещь, лишить Анатоля музыки?

Этого нельзя было допустить.

Откинув любые сомнения, музыкант бросился на голос.

В ту же секунду лязгнула натянувшаяся цепь.

Прикованную лодыжку пронзила резкая боль.

Успев сделать лишь пару шагов, Анатоль с грохотом рухнул на паркет.

- Поверьте, Отто, это ради его же блага, - пояснил Вернер. – Кстати, вы позволите вас называть просто – Отто?

- Называйте, - равнодушно отвечал Белофф, внимательно наблюдая за музыкантом.

- Прекрасно! – обрадовался промышленник. – Тогда и я для вас – Юлиус, без всей это великосветской чепухи.

Распластавшегося на полу Анатоля начали бить судороги. Его корежило, на шее вздулись вены.

- Еще раз приношу свои глубочайшие извинения, дорогой Отто, - продолжил Вернер, - если мое приглашение показалось вам не совсем учтивым. Увы, дела не позволили мне сделать это лично.

- Телефонограмма, - то ли спросил, то ли предложил доктор.

- Я бы предпочел не привлекать третьих лиц, - ответил промышленник.

- Ваше право, - согласился Отто.

Комната, в которой держали музыканта, мало походила на тюремную камеру или больничную палату. Она больше напоминала фехтовальный зал, в который притащили рояль.

- Кто это? – наконец-то спросил Отто.

- Пианист, - с грустью сказал Юлиус. – Вы не смотрите на его молодость, Анатоль – настоящий гений. Один из лучших во всем Поясе. Я нанял его, чтобы он играл на «Графе Дортмунде» во время путешествий.

Господин Вернер явно не стеснялся тяги к роскоши и комфорту.

- Это произошло неделю назад. У него случился приступ. И это было полной неожиданностью для всех. В мгновение ока наш милый Анатоль превратился в безумное животное. Судовой врач не смог ничего с этим поделать…

Пока Белофф не видел ничего необычного.

- Ему стало мерещиться, что у него хотят отобрать рояль. Анатоль бросался на всех, орал, чуть не разгромил кают-компанию. Потребовалось пять человек, чтобы его скрутить.

Худой и нескладный музыкант мало походил на силача.

- А взаперти ему становилось только хуже. Выл, умолял вернуть ему инструмент, даже пытался разбить себе голову.

Оказывается, рояль специально притащили сюда, чтобы облегчить страдания пианиста.

- И это еще не все, - Белофф чувствовал недосказанность.

- Да, - тяжело вздохнул Вернер, - не все. На следующий день дурно стало рулевому. На моих глазах он раскидал всех на мостике, а потом разбил вторым помощником окно и выпрыгнул. Туда!

Промышленник красноречиво ткнул большим пальцем в пол.

- А там высота два километра и минус сорок.

Единственное, что доктор мог сказать сейчас точно, так это то, что это была не бледная лихорадка.

А жаль.

Каждый сомнолог втайне мечтал о встрече с чем-то непознанным, что не укладывается в общепринятые научные рамки. И даже Белофф не был здесь исключением.

- Вы сможете ему помочь? – Юлиус кивнул на музыканта.

- Возможно.

Взяв с журнального столика бутылку коньяка, Вернер плеснул в пару бокалов.

- «Граф Дортмунд» - это лучшее, что сейчас есть во всем Поясе, - доверительно начал Юлиус, протягивая гостю один из бокалов. – Но я просчитался. Я слишком понадеялся на техническое совершенство.

Одним махом Вернер осушил бокал, после чего снова подлил.

- Отто, своим людям я полностью доверяю, но предугадать человеческий фактор невозможно.

Доктор осторожно сделал глоток.

В меру терпкий, слегка пряный и при этом ненавязчивый аромат говорил сам за себя. Это было по-настоящему. Виноград для этого коньяка можно вырастить только в теплицах. Даже наличие огромных денег не гарантировало, что страждущий ценитель сможет насладиться этим напитком. Тут все было наперечет, каждая бутылка резервировалась заранее.

- Скажу прямо, вы не похожи на болтуна. И это определенно располагает, - откровенничал Вернер. – Вам я могу сказать честно, что моя последняя экспедиция закончилась провалом. Темная сторона непредсказуема. Мы сделали лишь толику из задуманного. Сложившиеся обстоятельства заставили меня повернуть назад. Я не имею право подвергать «Графа Дортмунда» и свою команду лишнему риску.

Такие признания тревожили. Они могли быть опасными для самого Белоффа.

- Отто, я не хочу терпеть неудачи. У меня есть цель, и я не отступлю от задуманного. Но мне нужен сомнолог! Теперь я это точно понимаю. И я ищу не напыщенного болвана, а человека, который умеет принимать решения. Разговоры о том, что этично, а что нет, мне ни к чему.

Уже и так было понятно, куда клонит Юлиус Вернер.

- Я наводил справки, мне указали на вас, - промышленник перешел к сути. – И я был бы несказанно рад, если вы согласитесь некоторое время поработать на меня.

- Вынужден отказать.

- Понимаю, прекрасно понимаю, - торопливо заговорил Вернер. – Вы бы меня даже расстроили, если бы сразу согласились. Вам нужно все хорошо обдумать. Поэтому не смею вас торопить с ответом. Но примите во внимание, что я могу быть очень благодарным. И очень щедрым.

- Не сомневаюсь.

Вернер достал из кармана пиджака толстый блокнот. На вырванном листе промышленник торопливо вывел несколько цифр и поставил размашистую подпись.

- Держите, - Вернер протянул чек на предъявителя.

Это предложение не подкупало новизной. Подкупала прописанная сумма.

- Это аванс, - пояснил хозяин дома. - Вы не бедствуете, у вас есть накопления. К тому же, с вами всегда останется клиентура, которая избегает огласки. Но вы только представьте, какие возможности у вас появятся. Отто, вы же хотите заняться собственными исследованиями, а это большие траты…

Белофф пристально посмотрел на собеседника.

Про проснувшийся научный интерес доктор особо никому не рассказывал, а заявление на имя Щавеля было написано всего несколько часов назад.

- Я хорошо информирован, - ответил Вернер на немой вопрос.

- Слишком.

В словах промышленника был смысл. Дополнительные ассигнования помогли бы обставить лабораторию, нанять помощников и решить все вопросы с подопытными.

- Мои люди отвезут вас в город. Если хотите, то можно заехать в круглосуточное отделение банка, - с легким нажимом произнес Юлиус. - Вы сможете сразу получить всю сумму.

От экипажа Отто и не думал отказываться, резиденция Вернера располагалась в тихом, но весьма отдаленном месте. А вот оплату доктор брать не собирался. По крайней мере, пока.

- Я подумаю, - Белофф положил чек на журнальный столик.

Вернер многозначительно улыбнулся, снова подливая себе коньяк.

- Музыка…Вечно…, - на полу застонал Анатоль.

*****

Сидевший вполоборота у барной стойки Белофф время от времени поглядывал в зал.

Из-за позднего времени идея с таверной отпадала, а домой возвращаться не хотелось.

По просьбе самого доктора подручные Вернера довезли его до Большого бульвара, а дальше ноги неожиданно вывели доктора к «Тесле».

Отто не был завсегдатаем этого заведения, но сейчас хотелось именно такой атмосферы.

Иногда шум и суета помогали сосредоточиться. Погрузившись во все это, Отто умел оставаться наедине с самим собой. И ночной салон «Тесла» прекрасно подходил для этого.

Тон здесь задавали разнокалиберные лампы, бьющие под потолком молнии, искрящиеся шары и катушки. Вся эта иллюминация стоила прорву денег, но все с лихвой окупалось конскими ценами.

- Повтори! – опершись всем телом на стойку, Отто попробовал перекричать музыку.

Вряд ли кельнер что-то расслышал, но суть уловил.

Уже через несколько секунд Отто снова держал в руке наполовину наполненный стакан.

«Старый добрый Бультон» - отличный, просто превосходный бренди, но после коньяка, которым угощал Вернер, даже он казался сивушным. К хорошему привыкаешь быстро, а к лучшему – моментально.

Сидящий через пару стульев сгорбленный старичок в сером сюртуке приветственно поднял рюмку.

Отто еле заметно кивнул в ответ. Заводить новые знакомства он не собирался.

Весело подмигнув, старик опрокинул рюмку. Похоже, он и так неплохо проводил время. Перед ним стоял уже добрый десяток таких стопок.

А вот Белофф лишь пригубил, после чего повернулся к танцевальной площадке.

Гостей было немного. Никто никому не мешал, у каждого была возможность показать свои танцевальные умения. У кого-то это получалось, у кого-то нет, но все без исключения получали удовольствие.

Винил-жокей со своего балкона возвышался над залом. Этот худющий и высокий парень, облаченный в манишку на голое тело и примятый цилиндр, лихо крутил пластинки сразу на трех патефонах, превращая известные песни во что-то совершенно новое. В его зеленых очках ежесекундно отражались электрические всполохи, а белые манжеты на тонких запястьях так и мелькали в воздухе.

Это был электровальс.

Белофф с сомнением относился к такой музыке, но даже он готов был отдать должное мастерству винил-жокея. В этой какофонии, сотканной из обрывков и скрежета, чувствовалась своя мелодичность.

Если не считать названия, у этого танца не было ничего общего с теми балами, которые давали в Белом дворце на площади Героев Ледяного похода. Эту музыку не услышать по радио, от нее открещивались театры и варьете, ее обителью были ночные салоны.

А «Тесла» была одним из немногих мест, где играли по-настоящему добротный концентрированный электровальс. Только первоклассные жокеи, избранная публика и, конечно же, отборные антигипнотики. Этот жанр шел рука об руку с криминальной фармацевтикой.

Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что весь местный бомонд доверху накачан чем-то запрещенным.

Но здешние нравы сейчас Белоффа интересовали мало.

Все его внимание было приковано к танцевавшей в центре зала девушке.

Манерно покачивая бедрам, она словно вторила невидимым волнам. Ее руки неестественно выгибались и выписывали замысловатые линии. Время от времени она замирала в причудливой позе. В эти моменты она больше всего напоминала изящную механическую куклу, собранную искусным мастером.

Девушка наслаждалась. Закрыв глаза, она оторвалась от действительности. Ее сознание пребывало где-то далеко отсюда. Явно не в «Тесле» и даже не в Новой Варшаве, а еще дальше – за пределами Пояса.

В свете блуждающих прожекторов ее черное одеяние играло переливами. Корсет, лоскутная пышная юбка, длинные перчатки – во всем этом чувствовался вкус и тяга к эпатажу.

Собранные в пучок и заколотые по последней моде розовыми спицами волосы добавляли красавице строгости, а вот нарочито потекшая тушь, наоборот, делали образ еще волнительней.

- Бренди! – потребовал Отто, стукнув пустым стаканом по стойке.

Кельнер не заставил себя долго ждать.

- Еще! – доктор одним махом расправился с выпивкой.

И снова кельнер показал чудеса расторопности. Только на этот раз он даже пододвинул блюдце с нарезанным яблоком. Парень явно напрашивался на хорошие чаевые.

Отто сделал еще один залп.

Сидящий неподалеку старик одобрительно заулыбался.

Прижав пустым стаканом пару купюр, Белофф буквально спрыгнул с высокого стула и уверенным шагом направился к танцевальной площадке. Мигающие огоньки неприятно били по глазам, а музыка стала казаться еще громче, но эти досадные мелочи не могли помешать доктору.

Лавируя между танцующими, Белофф очень быстро вышел на середину зала. Цель была уже совсем близко.

- Пойдем! – Отто схватил девушку за запястье.

Со стороны это могло показаться домогательством. Почуяв неладное, вихлявшийся поблизости юноша тут же отпрянул.

- Пойдем! – снова сказал Белофф.

Девушка запоздало распахнула глаза. Такие же светло-светло-голубые, как и у Отто.

*****

Судя по доносящемуся с улицы гомону, дело двигалось к обеду.

Соскользнув с кровати, Каталина босыми пятками зашлепала по холодному полу. Девушка подхватила стоящую на изразцовой печи открытую бутылку игристого и прильнула губами к горлышку. Вино успело выдохнуться, но сейчас это не имело особого значения. Пить хотелось неимоверно.

Уже проснувшийся Отто залюбовался обнаженной подругой. Эти плавные изгибы, идеальные обхваты бедер и груди, спадающие на плечи каштановые волосы бессовестно подстрекали к новой порции разврата.

Зрелище завораживало.

- Что? – резко повернулась Каталина, явно что-то почувствовав.

В ответ Отто лишь покачал головой.

- Это было в последний раз! – заявила девушка.

Голос у нее был низкий, с легкой хрипотцой, но в этом даже был свой шарм.

- Как ты меня нашел? – Каталина явно имела в виду события вчерашнего вечера.

- Сердце подсказало.

- А оно у тебя есть?

- Да. Ледяное.

Девушка хмыкнула и снова приложилась к бутылке.

Флегматичный Белофф был далек от сантиментов, но эта женщина каким-то невообразимым образом раз за разом разжигала в нем страсть. И ей для этого даже ничего не приходилось делать. Достаточно было взгляда, полуслова, еле уловимого жеста. В приворотное колдовство Отто не верил, но и коварством феромонов это сложно было объяснить.

Они были знакомы давно, поначалу никак не проявляя взаимного интереса.

Все изменилось три года назад. Случайная встреча в фойе белградского отеля перевернула их отношения. Располагающая обстановка и алкоголь подтолкнули их в объятия друг друга. То, что происходило в том номере, навсегда отпечаталось в памяти. Он откинул всю свою холодность и равнодушие, она отвечала жаркими поцелуями, укусами и впивающимися ногтями. Той спонтанной ночью они словно наверстывали все то, что не успели сделать до этого.

А на следующее утро Каталина заявила, что произошедшее было случайностью и такое больше не повторится. Она ошибалась. Или врала сама себе. Это происходило снова и снова. И с каждым разом Белоффу было все проще взять эту крепость. Ему даже не приходилось специально искать встречи, все получалось само собой.

Но потом они словно отталкивались друг от друга. Каталина была слишком своенравной, Отто - излишне рациональным. Это им и мешало. Через день ей становилось скучно, а ему невыносимо от чужого присутствия.

Между ними была пропасть.

Отто никогда не спрашивал ее про возможных любовников, а Каталина не выказывала любопытства о его личной жизни. По крайней мере, это было честно.

- Я серьезно, - девушка решила вернуться к разговору, - больше ни на что не рассчитывай. Я вчера с тобой поехала только потому…

Договорить Каталина не успела.

Противно проскрипела дверь.

На пороге стоял Роберт.

- Отто, нам теперь никуда ездить не надо, - с ходу начал шофер, - так я возьму нашу бричку? Надо кое-куда наведаться.

- Ты не вовремя, - с самым непроницаемым видом ответил Отто.

Только сейчас Роберт понял, что в комнате еще кто-то есть.

- Ой, десять тысяч пардонов! – шофер прикрыл глаза растопыренной пятерней, что, впрочем, не мешало ему пялиться на обнаженную Каталину.

Девушка проигнорировала наглеца. Эта бестактность ее ничуть не смущала. Вместо того чтобы поднять визг, она откинула портьеру и выглянула в окно.

- Милорд, - слишком уж обстоятельно заговорил Роберт, - я сам имею неловкость за вторжение. Я просто хотел спросить, нужен ли я вам сегодня? Если нет, то могу ли я воспользоваться локомобилем, так сказать, в личных целях? Знаете ли, есть надобность отправиться за город. Дела-с. Важные.

Эта манерность совершенно не шла шоферу, а явно великоватый халат и торчащие клочками усы выглядели нелепо.

- Хорошо, - согласился Отто.

Роберт наверняка задумал что-то неблаговидное, а может даже и противозаконное, но Отто не стал вдаваться в подробности.

- Сначала отвезешь госпожу Зиманскую, - тут же поставил условие Белофф.

- Почту за честь! – заулыбался Роберт. – Сделаю в лучшем виде.

- Не сомневаюсь, - равнодушно ответил Отто.

- Госпожа, как будете готовы – спускайтесь, - шофер уже в открытую пялился на гостью, - Я буду ждать вас внизу.

Каталина продолжала хранить молчание.

- Я тогда пойду, - промямлил Роберт, но тут же спохватился. – Тебе…Вам письмо пришло!

- Письмо?

А вот это уже было странно. Свой адрес Отто особо не афишировал, а всю корреспонденцию обычно получал в госпитале.

- Ага, вот, - Роберт достал из кармана вдвое сложенный конверт и сунул его за дверной наличник.

- Посмотрю.

Шофер еще хотел что-то сказать, но, немного потоптавшись на месте, наконец-то закрыл за собой дверь.

- Не видела раньше этого слугу у тебя, - задумчиво произнесла Каталина, но тут же сменила тон. – Он забывается! Накажи его!

Девушка умела быть грубой и излишне прямолинейной.

- Он не слуга.

- Скажи еще, что он твой друг, - фыркнула Каталина. – Живет здесь, ходит как у себя дома.

Отто не стал ничего объяснять.

По бумагам Роберт числился в госпитальном гараже, но де-факто был в полном распоряжении доктора. По крайней мере, так было до вчерашнего дня.

- Так ты меня выгоняешь, да? – запальчиво спросила Каталина.

- Отнюдь, - откинув одеяло, Белофф встал с постели и вытащил оставленное письмо.

- Сейчас помчишь докторш своих лапать, - в голосе Каталины проскочили нотки ревности.

Этот выпад Отто словно и не заметил.

Небрежно разорвав конверт, он принялся вчитываться в аккуратные строчки.

- Что там тебе пишут? – Каталина как бы случайно заглянула через плечо Отто. – И кто такая эта Ю.В.?

Вряд ли Каталина успела прочесть весь текст, но подпись она разобрала сразу.

У секретаря промышленника был на редкость приятный почерк:

«Дорогой Отто, предполагаю, что вы еще не обдумали мое предложение. Но я буду рад вас видеть сегодня в моем бюро на Старогородской площади. У меня есть вещь, на которую вам точно стоит взглянуть. Вчера я отчего-то об этом не подумал. С уважением, Ю.В.».

- Все с тобой ясно! – вынесла вердикт Каталина и начала поспешно собирать свою раскиданную одежду. – Меня выгоняешь, а сам куда-то собрался.

- У меня планы. Это важно.

Отто не врал. Ему нужно было заказать лабораторную утварь и навестить знакомых фармацевтов, имевших весьма вольные представления о законности. К тому же, еще появилось приглашение от Вернера. Хотя бледная лихорадка не подтвердилась, появилось предчувствие, что на этот раз промышленник, действительно, приготовил что-то стоящее.

- Странный ты, не понимаю я тебя, - выплескивала недовольство Каталина.

Спорить с ней сейчас было бесполезно. Она была прекрасна в своей упертости.

- Не понимай.

- Это ты к чему? – Каталина начала закипать, в ее светло-голубых глазах блеснул нехороший огонек. – Дурой меня считаешь?

- Я этого не говорил.

- Но подумал! – красавица все сильнее себя накручивала.

Взгляд Каталины заметался по комнате, явно в поисках чего-то тяжелого, чтобы швырнуть в любовника.

- Ты! Сволочь! – окончательно разбушевалась девушка. – Ты же больной на голову! Посмотри на себя! Живешь здесь, в этой конуре!..

А вот по поводу конуры Каталина откровенно наговаривала. Квартира могла показаться мрачноватой и чересчур аскетичной, но в ней чувствовался простор и безукоризненная сдержанность. И никакие выцветшие обои это испортить не могли.

- Тебе же никто не нужен! Ублюдок, гад!.. Ненавижу! Оно вот это все мне надо? А? Отвечай, скотина! Чего молчишь?

- Прекрати, - холодно потребовал Белофф.

Лишь в последнюю секунду Отто успел увернуться от летящей туфли. Чего-то подобного от госпожи Зиманской и следовало ожидать. В такие моменты она не думала о последствиях, а ведь такой каблук запросто мог бы сойти за холодное оружие.

- Я же столько …, - Каталина не успела ни договорить, ни бросить вторую туфлю.

Подскочив к девушке, Отто сгреб ее в охапку и крепко прижал к себе.

- Пусти, - тяжело дыша, проговорила Каталина.

- Нет, - покачал головой Отто.

Туфля гулко бухнулась на пол.

- Пусти! – резко дернувшись, почти зарычала Каталина.

Попытка вырваться не увенчалась успехом.

- Сейчас же. Отпусти. Меня…

Отто сделал шаг назад, увлекая девушку к кровати.

- Моя, - спокойно сказал Отто, сжав свою добычу чуть сильнее.

Каталина тихонько охнула.

Белофф почувствовал, как тело девушки слегка обмякло в его руках.

Он слишком хорошо знал ее повадки, привычки, желания.

- Тихо-тихо, – прошептал Отто, делая еще шаг назад.

Взъерошенная, злая, с багрянцем на бледных щеках – в таком виде Каталина казалась особенно прекрасной.

Отступив еще немного, Отто натолкнулся на кровать.

- Так просто ты не уйдешь, - все так же спокойно сказал Белофф, ослабив хватку.

Девушка слегка приподняла подбородок. Она больше и не думала сопротивляться. Сердце забилось быстрее, зрачки расширились.

Отто кончиками пальцев провел по ее спине.

Два полупрозрачных взгляда столкнулись друг с другом.

- Сумасшедший, - Каталина улыбнулась и поцеловала Отто в плечо.

Глава 6

**Глава, в которой Рубику кажется, что он напал на след,
а Белофф чувствует себя антикваром**

«…после череды конфузов и скандалов Монетный двор все-таки получит нового главу. Со следующего понедельника почетную и ответственную должность займет Осип Радищев. Да, этот выбор уже вызвал споры и недовольства в некоторых кругах, но не стоит забывать про богатый опыт господина Радищева в монетном деле. Как сказал нам один видный финансист, пожелавший сохранить свое инкогнито: лучше уж этот старый пройдоха, чем еще один месяц безвластья…»

«Вечерний тарантас», Ярослав Крученых

Рубик злился.

Прошло уже два дня, а результатов не было.

В открытую никто ничего не говорил, но слухи и смешки уже поползли по управлению. И винить в этом лейтенант мог только себя. Его обвели вокруг пальца как желторотого курсанта.

Все попытки найти хоть какую-то ниточку, которая могла бы привести к злополучному паромобилю, ни к чему не приводили. Никто не заявлял об угоне, агентура отмалчивалась.

Лжесанитары словно растворились.

- Еще раз, - устало проговорил Рубик, - позавчера утром ты был на пересечении Ботанической и Смелого переулка?

- Так точно! - выпалил стоящий напротив жандарм.

- И никакого госпитального фургона ты не видел?

Быстрее всего скрыться с места преступления похитители могли именно через этот перекресток.

- Никак нет. Не видел ничего такого, - постовой виновато уставился в пол.

Над пепельницей стелился дымок от незатушенного окурка, что только усиливало раздражение.

- Ясно, - Рубик готов был сломать зажатый между пальцев карандаш.

По-хорошему, стоило постового как следует потрясти, допросить с пристрастием, но вряд ли бы это хоть как-то помогло. Похоже, жандарм вместо патрулирования прохлаждался где-то в ближайшей чайной, а сейчас просто хотел избежать наказания.

- Свободен.

Рубик обязательно разберется с нерадивым подчиненным, но потом.

- Слушаюсь, господин лейтенант! – повеселел постовой.

- Выполнять.

В руке снова закрутился карандаш.

И чем дольше Рубик рассуждал, тем неутешительней были выводы.

Белофф изначально был вне подозрений. Утечка в госпитале тоже казалось маловероятной, там даже не знали, кого именно нужно доставить.

Получалось, что за квартирой механикуса следили. Появление сомнолога и жандармов вынудило преступников пойти на риск. И нужно было отдать должное, действовали они дерзко и весьма умело. Эти отчаянные головорезы мало походили на то отребье, с которым обычно приходилось иметь дело лейтенанту.

- Да уж, - громко вздохнул Рубик.

До сих пор голова слегка побаливала, сотрясения избежать не удалось.

А еще нестерпимо хотелось пить.

Встав из-за стола, Рубик вышел из кабинета и направился к лестнице.

Из-за затянувшегося ремонта рукомойник работал только на первом этаже.

Пересохшее горло так и требовало живительной влаги. И с каждым шагом жажда становилась настойчивей. Рубик уже представлял, с каким наслаждением прильнет к водопроводному крану.

- О, господин лейтенант! Доброе утречко! – в одной из камер раздался веселый оклик.

Такой тон здесь мало кто мог себе позволить.

- А ну, тихо там! – из своего закутка тут же цыкнул бдительный дежурный.

В развалившемся на каменной скамье молодом человеке Рубик с удивлением узнал того самого фельдшера.

- Смотрю, повязку сняли. Зря, - вполне благодушно заметил парень.

- Что он тут делает? – обратился к дежурному Рубик.

Немного покопавшись, младший унтер достал заляпанный протокол.

- Показался подозрительным. Был пьян, громко ругался. Отказался предъявлять документы.

- А я не обязан пашпорт с собой всегда таскать, - с вызовом ответил фельдшер. – И свой законный выходной могу проводить, как посчитаю нужным.

- Поговори мне тут еще, умные все стали, - с недовольством произнес дежурный. Если бы не лейтенант, то разговор с задержанным был бы совсем другим.

Ничего особо подозрительного во внешнем виде фельдшера Рубик не заметил. За жеваный сюртук и истрепанные ботинки не отправляют в кутузку. Похоже, кто-то из жандармов привязался к подгулявшему молодому человеку, чтобы выслужиться и получить лишнюю галочку.

- Он говорил, где работает? - спросил лейтенант.

- Говорил. Проверяем.

А вот тут дежурный явно лукавил. Здесь никто бы не стал себя утруждать такой ерундой. К вечеру фельдшеру бы выписали пустяковый штраф и отправили бы на все четыре стороны.

- Открывай!

- Господин лейтенант…

- Я неясно сказал, что ли? – Рубик начал терять терпение. – Открывай, кому говорят!

В руках дежурного зазвенела связка ключей.

- Пусть вещи мои вернут, - переступив порог камеры, сразу же потребовал фельдшер.

- Верните вещи, - подтвердил лейтенант.

- Учтите, я точно знаю, сколько в кошельке было денег, - предупредил осмелевший молодой человек.

- Нужно очень, - буркнул унтер.

Дежурный удалился и буквально через полминуты появился снова, протягивая небольшой деревянный ящик.

- Вот. Тут все согласно описи.

- Лейтенант, вы это… Обращайтесь, если что, - фельдшер суетливо принялся рассовывать мелочовку по карманам, даже не проверив содержимое кошелька. – Мало ли, может, чем помогу…

Рубик пропустил эти слова мимо ушей. Вряд ли от такого знакомства мог быть какой-то прок, фельдшер был птицей невысокого полета. И, похоже, парня это полностью устраивало, сложно было в нем разглядеть хоть какие-то амбиции.

- А вы тех матросиков-то поймали? – неожиданно спросил фельдшер.

- Каких матросов? – бровь Рубика поползла вверх.

- Ну, позавчерашних, которые раньше меня приехали.

- С чего ты решил, что это были матросы? – осторожно спросил лейтенант.

- Не знаю, - пожал плечами молодой человек, - просто на них расклешенные брюки были. Такие сейчас мало кто носит.

Рубик почувствовал, как по коже побежали мурашки.

Почему?

Почему этот парень выбрал медицину, а не пошел в жандармы?

Еще тогда, возле дома механикуса, Рубик оценил его расторопность. А ведь фельдшер оказался не только проворным и сообразительным, но и на редкость наблюдательным. Он сумел разглядеть то, что сам лейтенант и его люди просто-напросто прошляпили.

Казалось бы, всего лишь деталь, но она подталкивала к выводам, заставила голову Рубика снова включиться в работу.

Сейчас лейтенант с удовольствием обменял бы одного такого лекаря на троих своих подручных. И еще бы сверху Клевца добавил.

- Нет, пока не поймали. Но поймаем. Обязательно.

С улыбкой Рубик протянул фельдшеру руку.

*****

С террасы десятого этажа открывался великолепный вид, но это сейчас мало заботило Белоффа.

Очень аккуратно, стараясь лишний раз не дышать, Отто перевернул еще одну страницу.

Юлиус Вернер удивил. И удивил по-настоящему.

То, что сейчас доктор держал в руках, у многих коллег бы вызвало благоговейный трепет.

Фаликов – эта фамилия казалась незнакомой, но, если верить написанному, этот дневник принадлежал одному из ближайших учеников самого Михайловского. И чем больше Белофф вчитывался, тем меньше сомнений у него оставалось.

Что-то в этих записях казалось слишком простым и банальным, какие-то теории уже были отвергнуты наукой, а к некоторым рассуждениям и выводам стоило бы прислушаться современным сомнологам.

А еще Фаликов доверял дневнику не только свои врачебные наблюдения, но и размышления о мироустройстве и превратностях судьбы. Кое-где автор даже критиковал своего учителя, но было видно, что это делалось с огромным уважением.

Расположившись в удобном плетеном кресле, Отто откровенно наслаждался. Приятным дополнением была бутылка «Твангсте», того самого коньяка, которым недавно угощал Вернер.

Общаться с другими гостями не хотелось совершенно.

Время от времени на террасу заглядывал немолодой дворецкий, чтобы лишний раз убедиться, что у Отто все в порядке.

Где-то внутри гремела музыка. Собравшаяся публика пока и не думала расходиться.

Глаза потихоньку начинали уставать.

Висящие над террасой фонари явно не располагали к долгому чтению.

Отто потянулся, наполнил почти до краев коньячный бокал и, наконец-то, встал с кресла.

Нужно было немного отвлечься и, хотя бы частично, осмыслить прочитанное.

Белофф подошел к балюстраде.

Если по какой-то причине Вернер в одночасье потеряет все свои капиталы, то у него всегда был бы шанс заработать на кусок хлеба, открыв здесь обзорную площадку.

Отсюда просматривалась не только Старогородская площадь, но и почти вся Новая Варшава. Тысячи огоньков подсвечивали сумрачный город, а в темнеющих пятнах с легкостью

угадывались два вытянутых озера, за которыми начинался Южный край, или, как его чаще называли, Заозерье.

Дом, в котором Вернер владел верхними и нижними этажами, был одной из «сестер». Когда-то давно власти хотели утыкать такими дворцами всю Новую Варшаву, но в итоге ограничились семью. Все эти высотки состояли из центральной башни с острым шпилем и двух боковых флигелей, но при этом архитекторы смогли дать каждой «сестре» свое лицо, свое сочетание помпезности и величественности.

За спиной послышалось деликатное покашливание.

Нет, это был не тот назойливый старик, а сам Юлиус.

- Вы позволите составить вам компанию, мосье Отто?

Странно было слышать такое от хозяина дома.

- Покорнейше прошу простить, что не предупредил о приеме. Просто очень хотелось побыстрее передать вам эту вещицу, - Вернер указал на дневник. – Вижу, что мой подарок вас заинтересовал.

- Подарок?

Доктору показалось, что он ослышался. Он полагал, что записи Фаликова дали лишь для ознакомления.

- Именно подарок, - закивал Вернер, наливая коньяк. – Эта вещица попала ко мне совершенно случайно. Я решил, что вам она будет куда полезнее.

- Я не могу это принять.

В искренность намерений промышленника верить не хотелось. Как и в то, что этот дневник попал к Вернеру по воле случая.

- Право, Отто, я бы мог подумать, что вы хотите меня обидеть.

- Это слишком дорого для меня, - честно признался доктор.

Вернер, немного поболтав стакан, сделал небольшой глоток.

- Понимаю и даже уважаю вашу точку зрения, - по-деловому заговорил промышленник. – Тогда давайте поступим по-другому. Вы возьмете сей бесценный сборник сочинений и будете пользоваться им столько, сколько посчитаете нужным. А библиотечную таксу я удержу из вашего жалованья…

- Я еще не дал своего согласия, - напомнил Белофф.

- Думаю… Нет! Почти уверен, что вы для себя уже все решили, - вполне доброжелательно произнес Вернер. – Соглашайтесь, Отто! Готов ручаться, вы не пожалеете.

- Будь по-вашему.

- Вот и отлично, - обрадовался Вернер. – За это стоит выпить!

Пусть и без особого желания, но Отто приподнял свой бокал.

- Надеюсь, мои гости вас не беспокоят, - промышленник уселся в кресло, которое до этого занимал Отто. – Признаться честно, я и сам не в восторге от такого столпотворения, но положение обязывает.

Доктору ничего не оставалось, как расположиться в соседнем кресле.

- Занятное чтиво, - раскурив сигару, Вернер снова завел разговор о дневнике. – Мне не всегда понятен ваш медицинский язык, но кое-что даже меня заставило задуматься. Особенно, где мосье Фаликов ругает Собор и обличает власть имущих.

Как оказалось, Юлиус успел весьма подробно изучить эти записи.

- Это нельзя придавать огласке, - зло хохотнул промышленник.

- Почему же?

У Белоффа были свои предположения по этому поводу, но сейчас стоило послушать Вернера.

- Боюсь, что не все переживут крушение духовных скреп, - промышленник вальяжно вытянул ноги. – Историю пишут победители. Себя они сравнивают с добродетелью, а имена врагов мешают с грязью. Но ведь на самом деле все могло быть совершенно иначе...

Похоже, в промышленнике начал говорить коньяк.

- Вы же слышали, с каким размахом будут праздновать столетие Ледяного похода? – продолжил Вернер, выпустив дымное колечко. – Участников похода почитают как героев, но вот только не все с этим согласны. Мосье Фаликов выражает мнение, Митич, Грачев и Синьков были вовсе не военными преступниками, а законным правительством. И вина за все бесчинства лежит на путчистах во главе с Радкевичем. Именно так их мосье Фаликов и назвал – путчисты.

- Крамола.

За такие слова можно было запросто угодить в цепкие объятья охранки.

- А я ничего и не утверждаю, - усмехнулся Вернер. – Просто не все разделяют общепринятые взгляды. И этот раритет добавит им уверенности.

Вернер положил руку на тетрадь.

- Я понятия не имею, сколько здесь правды, но эта штука кажется очень даже правдоподобной. И она может наделать немало шума.

- Откуда у вас это? – этим вопросом Отто терзался с того момента, как дневник оказался в его руках.

- Случайность, стечение обстоятельств, - отмахнулся Вернер. – Я люблю старину. Иногда мне попадаются…

Договорить промышленник не успел.

- Юлиус, проказник! – на террасу ввалилась дама в желтовато-коричневом длинном платье. – Вот вы где! А я вас повсюду ищу.

Вернер поспешно встал, затушив при этом сигару.

- Княгиня, - промышленник отвесил поклон, его голос мгновенно стал приторно-елейным, - склоняю пред вами голову и искренне надеюсь на ваше великодушие.

- Ах, ах! - игриво отозвалась женщина. - Вы меня своими манерами не проведете, шельмец. Сбежали, спрятались. Как не стыдно?!

- Вас не обмануть, дорогая Надин, - нарочито виновато произнес Вернер. – Но нам нужно было кое-что важное обговорить.

Княгиня пренебрежительно хмыкнула.

Она была уже не столь юна, но еще вполне успешно цеплялась за увядающую красоту, а глубокое декольте смотрелось очень даже пикантно.

- Как вы могли променять ваших гостей на этого скучнейшего господина? – Надин бесцеремонно ткнула в сторону Отто сложенным веером. – Да что там гости! Вы променяли меня!

Эта женщина нравилась доктору все меньше.

- Я вас уверяю, мосье Белофф очень приятный собеседник и начитанный человек, - возразил промышленник. – Тем более, у нас есть общие интересы.

- Да я же шучу! – рассмеялась княгиня. – Но вы, Юлиус, действительно ведете себя как поросенок. Бросили даму, убежали… Оставили меня в обществе этих зануд. Фи таким быть!

Если в одной руке у Надин был веер, то во второй она держала бокал вина. И судя по всему, он был далеко не первым.

- Я готов вымаливать прощение, - заверил Вернер. – Но только не здесь. Ступайте в главный зал, а я сейчас приду. Обещаю.

- Хорошо, - кокетливо согласилась княгиня. - Но только недолго. Вы дали слово. А еще учтите, меня же могут похитить.

- Ну тогда я, как истинный рыцарь, брошусь в погоню, - отшутился хозяин дома. - Идите, я скоро.

Вместо прощания Надин смерила доктора оценивающим взглядом. Еще раз недовольно хмыкнув, княгиня наконец-то удалилась.

- Безмерно рад, что мы с вами нашли общий язык, - Вернер снова обратился к доктору. – по поводу формальностей не беспокойтесь, все будет в лучшем виде. А что касается наших с вами договоренностей… Вы не из болтливых и все сами прекрасно понимаете.

- Вы так и не сказали, откуда у вас дневник, - проявил настойчивость Отто.

- Обязательно вам все расскажу, но потом. Поверьте, там ничего особенного. А сейчас, увы, мне действительно нужно идти. Этот прием я не мог отменить, даже ради вас.

Промышленник одернул фалды сюртука и поправил шейный платок.

- Если пожелаете, то можете присоединиться к нашему веселью.

- Навряд ли.

- Когда вам все наскучит, сообщите моим людям, - Вернер словно не слышал собеседника. – Вас отвезут.

- В этом нет надобности.

Брать паромобиль Отто посчитал лишним. До дома было недалеко.

- Все! Я вас оставляю, не стоит испытывать терпение Надин, - напоследок сказал Вернер, - На самом деле, там не так уж и плохо.

Быстрым шагом Юлиус вышел с террасы, оставив доктора в обществе дневника и «Твангсте».

*****

Улица встретила непривычной, но приятной прохладой.

Большинство вывесок погасло, символизируя наступление ночи.

Старогородская площадь сейчас казалась пустынной и неуютной.

Из квартиры Вернера удалось выскочить незамеченным. Практически спавший на ходу лифтер без лишних вопросов спустил Белоффа на первый этаж и услужливо открыл дверь.

Отто мог бы уйти и раньше, но коньяк был слишком хорош.

В голове слегка шумело, но доктор не чувствовал опьянения. Его ум был прозрачен и свеж, он уверенно держал шаг, а внутреннее напряжение улетучилось. Окружающие дома приобрели новые очертания, а лица немногочисленных прохожих казались более выразительными.

Можно было даже выбрать длинную дорогу, чтобы продлить это состояние, но Отто отмел эту мысль. О чтении тоже не могло быть речи. Белофф отчетливо понимал, что нуждается в отдыхе.

Сейчас доктору надо было всего лишь пройти вдоль площади, а потом подняться по радиальной улице.

Но этим планам не суждено было сбыться.

Как только доктор свернул за угол, его окликнули.

- Отто, иди сюда!

В стоящем на обочине паромобиле загорелся газовый фонарь.

Все это уже напоминало какую-то нехорошую традицию.

Спорить, а уж тем более убегать, Белофф не стал. Этот голос он узнал сразу.

Слегка пригнув голову, Отто нырнул в просторный салон.

- Чем обязан?

- Садись, - Рубик кивнул на противоположный диван. – Клевец, подожди-ка на улице.

Сержанта не пришлось уговаривать. Рядом с доктором ему было не по себе.

- Был у Вернера? – сразу начал Рубик.

- Это допрос?

- Ты хочешь, чтобы тебя вызвали к нам в управление? – похоже, лейтенант чувствовал себя хозяином положения. – Могу это устроить. Только ты учти, в этот раз Щавель так рьяно не будет тебя защищать, ты же теперь не у него служишь.

А вот это было что-то новенькое. Оказывается, у жандармерии были свои глаза и уши даже в ГАКе.

Но в одном Рубик ошибался. Щавель кого угодно бы скрутил в бараний рог за своих людей. Даже за бывших.

- Так ты был у Вернера? – немного выждав, лейтенант повторил вопрос.

- Допустим, - Отто слегка сдвинул котелок на затылок.

Внутри паромобиля все пропахло дешевыми папиросами.

- И о чем вы с ним говорили? – принялся допытываться лейтенант.

- О погоде.

- Не смешно, - скривился Рубик. – Отто, я сразу примчался, когда узнал, что ты здесь. Поэтому тебе лучше быть посговорчивей.

Отто лишь неопределенно пожал плечами.

- Похитили Яновского, - многозначительно сообщил лейтенант.

Эти слова не произвели на Отто никакого впечатления.

- Механикус, у которого мы с тобой были, - вынужден был пояснить Рубик. – Его похитили почти сразу после твоего отъезда. И сделали это люди небезызвестного тебе Юлиуса Вернера.

- Доказательства?

- Будут! – уверенно заявил лейтенант. – Есть основания полагать, что в похищении участвовали матросы. И работали они грамотно. Таких головорезов в воздушном флоте не держат. А вот господин Вернер на свои дирижабли нанимает кого попало. Там есть бывшие каторжане и отставные военные. Таким людям можно поручить грязную работу.

Пока доводы жандарма не казались убедительными, но к его опыту и чутью стоило прислушаться

- Плюс Вернер имеет тягу к инженерному делу.

- Увлекательно, - без особого воодушевления ответил Белофф.

- Мы начали следить за Вернером. Скажем так, это была моя личная инициатива, - продолжил лейтенант. – И тут я узнаю, что ты теперь с ним дружбу водишь. Я даже удивился. Получается, его подручные не смогли поставить Яновского на ноги, тогда и пригласили тебя. Тем более, ты с этим гипноманом уже имел дело.

- Ты ошибаешься, - со вздохом произнес Белофф.

- Учти, что пойдешь как соучастник, - с показным участием предупредил Рубик. – Зачем тебе выгораживать этого толстосума? Ты не такой, ты ж заискивать не будешь. Скажи, тебя вызвали из-за Яновского? Он в этом доме?

- Нет.

- Тогда зачем ты ходил к Вернеру?

- Частная практика, - Отто не собирался откровенничать.

- Я так понимаю, что из тебя большего не вытянуть, - с сожалением произнес Рубик. – Что-то такое я и предполагал. Но если ты говоришь, что не видел Яновского, я тебе верю.

Снаружи прогромыхала какая-то колымага.

- К господину Вернеру накопилось немало вопросов. Вот только к нему так просто не подобраться. У него связи на самом верху, кому-то он очень выгоден. Но сейчас мне плевать на его шашни с Городским Собором. Было нападение на жандармов и похищение человека. И за это придется отвечать!

- Я могу идти? – доктору все это уже порядком надоело.

- Подожди, - Рубик протянул грифельный набросок. – Что ты можешь сказать по этому поводу?

- Вам нужен новый рисовальщик.

Это была откровенная халтура. Качество портретов удручало. Особенно невнятно и размазано смотрелись рты и подбородки.

- Они в основном в медицинских намордниках были, - хмуро пояснил лейтенант. – Узнаешь этих людей?

- Нет.

Если Рубик рассчитывал, что в этой мазне можно опознать людей Вернера, то эта затея с треском провалилась.

- Понятно, - смяв портреты, лейтенант сунул их в карман. – Считай, что этого разговора не было.

Белофф слегка поджал губы. Это можно было трактовать и как согласие, и как безразличие.

- Сержант, - дернув дверь, крикнул Рубик, - нужно доставить господина доктора домой.

- Я сам! – очень резко сказал Отто.

И почему все так и рвутся сопроводить его?

Глава 7

**Глава, в которой план студента терпит крах,
а доктор спускается под землю**

«…тело принадлежало молодому человеку лет двадцати. Пока его имя не удалось установить, равно как и то, как он оказался в коллекторе посреди нечистот. Удушливый смрад и стал причиной трагедии. Судя по маске, можно предположить, что несчастный возвращался с бал-маскарада, когда угодил в эту зловонную ловушку. И на фоне этого рокового стечения обстоятельств все больше негодования вызывает работа городских служб. Спрашивается, а что еще должно произойти, чтобы наши властные мужи обратили внимание на…»

«Нововаршавский советчик», Виктор Вторыга

Обжигающий холод пробирал до мозга костей. Непрекращающийся хруст снега, слившийся в единый гул, сводил с ума и притуплял волю.

Но люди шли.

Они и так уже совершили невозможное, преодолев десятки верст сквозь ледяную пустошь. И сейчас нужно было просто собрать силы на последний бросок.

Белое безмолвие отступало перед их упорством.

- Держись, братюня, немного осталось! – розовощекий лыжник похлопал по плечу еле плетущегося на снегоступах парня.

Бывший кадет хотел было что-то просипеть в ответ, но лыжник уже успел проехать вперед.

Каждый шаг давался парню с трудом. Все тело нещадно саднило, пальцы не слушались, мороз щипал лицо, просачиваясь через намотанный шарф.

Это можно было только перетерпеть. Теперь-то кадет точно знал это.

И он терпел, чуть ли не до крови прикусывая губы.

Теперь он уже готов был себя проклинать за те приступы малодушия, когда ему хотелось повернуть обратно.

А ведь были и такие, кто не выдерживал и возвращался.

И где они сейчас?

Скорее всего, сгинули. Кадет и сам мог навсегда остаться в этих бескрайних снегах, когда в очередной раз упал и не нашел в себе ни сил, ни желания, чтобы встать. Но рядом оказался тот, кто поднял парня и заставил его продолжить путь.

Кадет даже толком не запомнил своего спасителя, который практически сразу затерялся в растянувшейся колонне. А парень для себя твердо решил, что если найдет этого человека, то обязательно поблагодарит.

Сгорбившийся кадет даже не заметил, как уперся в высокий пригорок.

Предстоял еще один подъем.

Вбивая ноги в уже утоптанный наст, парень принялся зигзагами, как учили, взбираться на холм.

Это было тяжело, грубые плетеные снегоступы все время так и норовили соскользнуть. Только каким-то чудом удалось удержать равновесие и не покатиться вниз, увлекая за собой товарищей.

Перевести дух кадет смог лишь на вершине.

Открывшаяся картина мигом заставила позабыть и все тяготы, и надежды о скором привале.

Успевшие перемахнуть холм бойцы полукругом обступили стоящего на волокушах командира.

- Друзья! Соратники! Братья! Вы все меня прекрасно знаете, и каждому из вас я готов поклониться. За ваш патриотизм и смелость, за веру и горячие сердца. Но наш путь еще не окончен. Он только начинается, ведь наша общая цель ясна и непреложна – величие и свобода родины. Тирания должна рухнуть. Ей не место в новом мире.

Голос у Радкевича был на удивление сильным, но при этом совсем не грубым.

- Наша земля зовет нас. Она истосковалась по своим верным сынам, которые изгонят скверну. Она молит лишь об одном – о справедливости. И мы ее принесем.

Молодого генерала в легкой шинели было прекрасно видно со всех сторон. Искрящийся свет даже высвечивал в полумраке тонкие посеребренные усики и благородную бородку.

- Враг силен. Враг коварен. Но разве это нас остановит? Нет, нет и еще раз нет!

- Веди нас, Витя! – раздался выкрик из толпы.

Радкевич прокашлялся в кулак.

- Наша победа в наших руках. И никто…Повторяю – никто не сможет вырвать ее у нас.

Буквально скатившийся с холма кадет принялся проталкиваться сквозь толпу поближе к командиру, чтобы не пропустить ни единого слова.

- Своими штыками мы пробьем дорогу в светлое будущее!

Выразительное лицо Радкевича, казавшееся до этого таким спокойным и выдержанным, исказила гримаса, в которой читались ненависть и ярость.

И это тут же нашло отклик у добровольцев.

Уставшие, полуголодные, кое-как одетые люди приободрились. Их глаза загорелись.

- За генерала! За свободу! Долой хунту! – нестройно заголосила толпа.

- Там, - Радкевич указал в сторону горизонта, где уже пестрели огоньки, - Новая Варшава. Избавим ее от мучений. Каждая ее слеза отольется кровью тиранов и их прихвостней. У нас есть то, чего нет у них – правда!

Стоящий в первом ряду вояка вскинул свою старую винтовку и выстрелил в воздух. Его примеру последовали другие.

- Виват генералу! – заорал кадет, тщетно пытаясь передернуть затвор.

Одним волевым жестом Радкевич заставил смолкнуть беспорядочную пальбу и успокоил людей.

Он был прекрасен.

- Я пойду первым! Я понесу знамя! – возвестил генерал. – Воля, сила, единство!

- Воля, сила, единство!

Горстку храбрецов ожидало либо забвение, либо нескончаемая слава.

Это был момент истины.

*****

Агнешка успела выскочить еще до начала финальных титров. Бурные аплодисменты догнали ее уже на выходе.

Девушка и не думала сбегать, это было бы невежливо по отношению к Лео. Просто она решила подождать юношу на улице. Агнешке очень не хотелось оказаться в толчее, а пафосная обстановка вызывала стойкую неприязнь.

- И как вам эта синематография, Агнесса? – как оказалось, Лео покинул зал практически сразу за однокурсницей.

- Чудесно, благодарю.

Но это было чистой воды притворство. У девушки после фильма остались смешанные чувства.

- Ах, какая режиссерская работа! Феерично! – принялся восторгаться Лео. – Матвей Севрюгин – он настоящий гений. Режиссер с большой буквы.

Агнешка скромно промолчала.

Про Ледяной поход было снято огромное число фильмов, и «Вьюга революции», пожалуй, была самым масштабным и зрелищным из них. Столетний юбилей к этому обязывал. Но множество неточностей и вольное отношение к первоисточникам смазывали все впечатления.

Историю о том, как небольшой отряд смельчаков прошел по Темной стороне, знали все. Обойдя вражеские укрепления, добровольцы вышли к Новой Варшаве там, где их никто не ждал. В ходе этого дерзкого рейда город был освобожден, а власть камарильи была низложена.

Но почему бойцов Радкевича выставили какими-то голодранцами? Было даже как-то обидно за них.

Зачем на роль прославленного генерала взяли Карла Крестовского, первого красавца Большого драматического театра? В жизни Радкевич имел вполне заурядную внешность.

Почему правителей Новой Варшавы показали такими идиотами? Это только обесценивало подвиг.

Что это за невнятная любовная линия с мелькающей в кадре Ланой Монро?

К чему все эти красочные панорамы? В то время город выглядел совсем иначе.

Вопросы только множились.

А еще Агнешка никак не могла взять в толк, что это был за юнец с кадетскими нашивками на тулупе. Если Матвей Севрюгин так хотел показать метания молодого поколения и то, как его перековывали, то получилось очень невнятно.

- Бесспорно, это лучшая синематография, которую я только видел, - продолжал нахваливать Лео. – Я в восхищении! Какая игра, каков подход и виденье! Этот шедевр заслуживает того, чтобы его пересмотреть.

- Да, вы правы, наверное, - свое мнение Агнешка оставила при себе.

Из кинотеатра хлынули зрители. Судя по задумчивым взглядам и раскрасневшимся глазам, кого-то «Вьюга революции» все-таки проняла.

- А знаете что? Здесь есть одна очень милая чайная. Совсем рядом. Давайте пойдем туда? – предложил студент. – Там подают расчудесный грушевый штрудель с шариками мороженого. Поговорим о кино, например…

Чего-то подобного и стоило ожидать.

Лео как бы невзначай отдал однокурснице свой билет на премьеру, сославшись на собственную занятость. Девушка поначалу отнекивалась, но любопытство очень быстро взяло верх. Про этот фильм много говорили и писали. Да и посещение настоящего звукового кинотеатра казалось целым событием. Такую роскошь Агнешка сама себе позволить не могла.

Но каково было ее удивление, когда в зале она увидела Леопольда, сидящего в соседнем кресле.

Девушка, конечно, замечала, что молодые люди иногда на нее посматривают, но особых иллюзий по этому поводу не питала. Румянами и тушью Агнешка почти не пользовалась, в своих старомодных платьях с рукавами-фонариками она выглядела простушкой рядом с Полиной и Клавдией, не говоря уже об Ивонне. Да и учеба для прилежной студентки была куда важнее каких-то там романтических приключений.

А что касается самого Леопольда, то он был милым, но не более того. Мягкий, умный, вежливый – он мало походил на героя девичьих грез.

- Сожалею, но не могу. Мне нужно идти, - как можно деликатнее ответила Агнешка. – Буду готовиться к коллоквиуму.

- А, ну да.

Лео понятия не имел о каком коллоквиуме идет речь, хотя он тоже не пропускал занятий. Но где-то в глубине души юноша даже порадовался такому вежливому отказу. Он просто не знал, как нужно себя вести с девушкой.

- Всего доброго, Леопольд, - попрощалась Агнешка. – Огромное вам спасибо за этот вечер.

- Пойдемте тогда вместе на обед? – неожиданно для самого себя выпалил Лео.

- Какой еще обед?

- Ну как же? Званный, - растерянно пробормотал юноша.

- Лео, вы можете нормально объяснить? – нахмурилась Агнешка.

- Господин Вернер пригласил на обед Альберта Юрьевича, - торопливо заговорил Леопольд. – И профессору разрешили взять с собой несколько студентов, которых он сам выберет. Альберт Юрьевич передал список через деканат. Ваша фамилия там тоже есть. Вы разве не знали?

- Нет…Впервые слышу, - залепетала девушка. – Может, я была где-то. В библиотеке…

О чем-то подобном Агнешка даже мечтать не могла.

Встреча с этим удивительным человеком сулила новые возможности, ему можно будет задать вопросы, попросить поделиться опытом и услышать историю успеха из первых уст.

- Это точно? – голос Агнешки слегка задрожал, словно она боялась спугнуть такую удачу.

- Совершенно, - заверил Лео. – Я сам видел этот список. Там еще подпись Альберта Юрьевича была.

Леопольду можно было доверять. Дурацкими розыгрышами он не занимался.

- Невероятно … Сам господин Вернер, - с придыханием произнесла Агнешка.

Раз среди приглашенных были Агнешка и Леопольд, то, значит, профессор решил взять с собой самых лучших. Он умел поощрять отличившихся студентов, но в этот раз Синявский превзошел сам себя.

- Так я вас сопроводю…Сопровожу на обед? – набравшись смелости, снова спросил Лео.

- Да-да, конечно, - рассеянно ответила Агнешка.

Леопольд просиял.

*****

Настоящей дружбы с Морфеем быть не может. Одно только знакомство с ним грозит стать проклятьем. Если же он и приоткроет свои тайны, то обязательно потребует за это плату. И он найдет способ, чтобы призвать должника к ответу.

С этим владыкой невозможно договориться. Он глух к мольбам и попыткам умилостивить, а за гордыню и самоуверенность, как и за обман, жестоко карал. Оставалось только продираться сквозь хитросплетения придуманных им правил, рискуя сорваться в пропасть.

Но если все же удавалось прикоснуться к этому химерическому миру, то он уже не отпускал, крепко-накрепко привязывая к себе. А порождаемые им сущности, поначалу казавшиеся такими робкими, с каждым разом становились все настойчивее, почти осязаемыми. И в определенный момент уже сложно было отличить явь от бесконечных миражей. Справиться с этим могли единицы.

Отто оторвал голову от стола.

Это можно было назвать как угодно – беспамятство, обморок, забытье, но точно не сон. Время просто перескочило на несколько часов вперед.

Доктор даже не проснулся, он очнулся, повинуясь какому-то неведомому сигналу. И это тоже было странным, непривычным.

Шея и плечи неприятно ныли. Не хватало утренней свежести.

Окончательно придя в себя, Отто огляделся.

Что-то смущало доктора. Взгляд скользнул по столу.

Колбы и чашки, кажется, стояли совсем в другом порядке, а в раскрытой рабочей тетради будто чьей-то рукой были сделаны исправления и оставлены пометки на полях.

Искать этому какое-то объяснение сейчас не хотелось, куда проще сослаться на разыгравшееся воображение.

Несмотря на мерзкое, почти похмельное состояние, Отто ощущал внутренний подъем. Мысли, посетившие его ночью, требовали утряски и переосмысления. Откуда-то появилась непоколебимая уверенность в правильности выбранного пути. Белофф слишком долго был пусть и очень хорошим, но все же ремесленником, а теперь ему снова представилась возможность творить.

В ближайшее время нужно будет озаботиться собственной лабораторией. Квартира не очень-то располагала к плодотворной работе. Да и у соседей могли бы появиться лишние вопросы. А эта наука, как никакая другая, любит тишину.

Затянув посильнее халат, Отто вышел в коридор.

Очень хотелось побриться, но с этим пришлось повременить.

На кухне горел свет. Похоже, Роберт еще не ложился.

- Развлекаешься? – встав в дверном проеме, спросил Отто.

- А? Что?

Роберт вздрогнул от неожиданности.

Чем-то увлеченный, он даже не слышал, как Отто вышел из своей комнаты.

- Да так, мастерю сижу, - шофер потер красные от усталости глаза.

Лишившись паромобиля, который пришлось сдать в госпитальный гараж, Роберт принялся оттачивать свои слесарные таланты. Любое устройство, до которого он мог дотянуться, рисковало быть разобранным, изученным и, по возможности, доработанным. Роберт не обладал широкими познаниями, но руки у него были золотые. Из него мог бы получиться блестящий механик-практик, но в свое время он выбрал для себя совсем другую стезю.

- И что это? – заинтересовался Белофф.

- Да говорю же, ничего особенного, - шофер попытался прикрыть разложенные на столе детали. – Баловство одно.

К своему огромному неудовольствию, Отто узнал раскуроченного «Хорька».

- Это то, о чем я подумал?

- Ты только не беспокойся, - поспешил успокоить Роберт. – Ничего с ним не станется. Даже еще лучше будет. Я тут одну штуку хочу подпилить…

Артельщики Д`Ожено вряд ли бы обрадовались такому предложению.

- Он мне нужен, - веско заметил Отто.

- Зачем? – Роберт захлопал ресницами.

- Тебя пристрелить.

Мрачная шутка Белоффа не сулила ничего хорошего.

- Сейчас, - погрустневший Роберт принялся заново собирать пистолет. – Сам не знаешь, от чего отказываешься. Потом бы спасибо сказал.

- Съездишь на Верхний рынок, - распорядился Отто. – Найдешь лавку Дидюры. Надо кое-что купить. Список я дам.

- Дидюра – это который химик? – не отрываясь от работы, спросил Роберт.

- Да.

Роберт что-то буркнул, якобы в знак согласия, но тут же спохватился.

- Погоди-ка! Я же сейчас…Мы же сейчас безлошадные! Ласточку-то в гараж сдать пришлось. Мне теперь, что ль, самому надо тащиться в такую даль?

- Именно.

Отто не видел в этом ничего сложного.

- Я поеду, раз так надо, - хитро прищурился Роберт. – Человек я подневольный. Раз барин говорит, то я разве спорить буду? Вот только если меня постовой остановит да карманы вывернет, мне что ему говорить?

А вот здесь шофер был прав. К услугам Дидюры прибегали те, кто был не в ладах с законом. В неприметной лавочке, затерявшейся в глубине рынка, можно найти много чего интересного. И запрещенного.

- Я дам тебе на такси.

- Ага, - слегка повеселел Роберт. – Слушай, ноги-то не казенные, может, уже свои колеса купим?

- Обязательно.

Отто и сам прекрасно понимал, что без личного транспорта будет сложно.

- «Немигу»? – с надеждой в голосе спросил Роберт.

- Нет. Попроще.

Белофф не особо разбирался в современных паромобилях, но даже он понимал, что в Новой Варшаве мощный спортивный экипаж «Немига» будет ни к чему.

- Ну ладно, - быстро согласился шофер, тут же вернувшись к сборке пистолета.

Белофф почесал щетинистую скулу. Опасная бритва точно заждалась.

Еще раз тщательно проинструктировав помощника и выдав тому несколько крупных купюр, Отто наконец-то вышел из дома.

Сам доктор сегодня предпочел метрополитен. Так было бы быстрее.

Ближайшая станция – «Проспект Возрождения» - была в каких-то пяти минутах ходьбы. Нужно было лишь проскочить пару сквозных дворов, чтобы оказаться у непримечательного каменного павильона. Единственное, что хоть как-то привлекало внимание в этом строении, так это выцветшие буквы МНВ над козырьком.

Отто не стал топтаться в общей очереди, а сразу направился к окошку первого класса.

Скучавший до этого молодой кассир тут же расплылся в дежурной улыбке.

- Чем могу быть полезен?

- Один, - Отто протянул изрядно помятую банкноту.

- Минуточку, - кассир принялся суетливо отсчитывать сдачу.

Еще несколько дней назад можно было бы выписать бесплатный билет, но теперь приходилось платить на общих основаниях.

- Пожалуйста, - кассир наконец-то выложил на стойку горку монет и желтоватый талончик.

Мелочь тут же перекочевала в карман пальто.

- Хорошего дня! – уже вдогонку крикнул кассир.

Дернув на себя массивную деревянную дверь, Отто сразу же почувствовал духоту и еле уловимый запах чего-то горелого.

Вниз вела широкая винтовая лестница.

Тот, кто это придумал, явно обладал изрядной долей человеконенавистничества. В часы пик пользоваться таким спуском было не только неудобно, но и опасно. Ушибы и даже переломы были обычным делом, что служило лишним поводом для общественного недовольства. А еще обыватель неустанно жаловался на опоздания поездов, спертый воздух в вагонах и копоть.

Но даже самые отъявленные критиканы признавали, что для огромного города метрополитен стал настоящим спасением.

Когда-то давно, когда появилась идея объединения нескольких поселков, чья-то светлая голова настояла, чтобы была предусмотрена возможность строительства подземной железной дороги. Некоторые тогда покрутили пальцем у виска, но к голосу разума прислушались. Имя

этого градостроительного гения можно было отыскать разве что в архиве, но дело, которому он положил начало, продолжало жить и развиваться.

И вот сейчас уже целых четыре линии связывали центр, промышленные кварталы и жилые районы.

Словно гигантский насос, подземка ежедневно перекачивала людские массы. Количество станций перевалило за полсотни, а власти обещали, что их будет еще больше. Поговаривали даже, что когда-нибудь будет построена кольцевая линия.

Спустившись, Белофф сверился с указателем и зашагал к дальнему концу перрона. Туда, где останавливался вагон первого класса.

И почти сразу же Отто чуть не столкнулся с зевакой, засмотревшимся на арочные кирпичные своды.

- Повнимательнее, - вполне миролюбиво сказал Отто.

- Простите, сударь, - приличного вида мужчина тут же посторонился.

Распознать в этом человеке приезжего не составляло особого труда. Для таких, как он, нововаршавская подземка была туристическим аттракционом, обязательным к посещению.

- А ну, не дергайся, стой на месте! Кому говорят! – послышался резкий окрик.

Дюжий смотритель держал за шиворот парнишку с болтавшимся на плече тубусом.

- Дяденька, пустите. Я больше не буду, - безбилетник готов был разрыдаться.

Можно было и не сомневаться, что парнишку ждал суровый штраф. С этим делом в Новой Варшаве было строго.

- Конечно, не будешь! – пробасил смотритель. – Вот сейчас придет поезд, а потом сдам тебя куда следует.

- Да когда этот поезд пойдет?! – неожиданно взвизгнула стоящая рядом дамочка.

Собравшиеся на платформе люди словно ждали этого. Со всех сторон посыпались упреки.

- Безобразие, я буду жаловаться!

- Мы уже двадцать минут этот поезд ждем!

- Балаган какой-то, а не метро!

Отто и сам успел отметить, что пассажиров было больше обычного.

- Господа! Господа! – смотритель попробовал перекричать гвалт. – Поезд задерживается по техническим причинам. Не стоит беспокоиться. Прошу соблюдать спокойствие.

Неожиданно под потолком потух один из газовых фонарей. В другой раз никто бы и не обратил внимания, но вот именно сейчас это было очень не к месту.

- Это, наверняка, луддиты, - послышалось в толпе. – Их работа.

- Да-да, очень похоже, - предположение тут же поддержали. – Когда же их всех переловят?!

Обстановка накалялась.

- Господа, поезд скоро прибудет! – смотритель надрывал связки, но этим только усиливал неразбериху.

- На «Новаторской» небольшая авария, - кто-то почти вплотную подошел к доктору. – Может диверсия, а может и нет. Но точно ничего серьезного.

Белофф повернул голову.

Стоявший рядом человек показался смутно знакомым.

- Ремонтники должны быстро справиться.

- К чему вы это говорите? – осторожно спросил Отто.

- Подумал, вам будет это интересно.

- Вовсе нет.

- Извините, - послышался вздох сожаления. – Просто увидел вас и не знал, как к вам подойти. Хочется еще раз вас поблагодарить. Вы очень помогли. Дочке сразу стало легче.

И только сейчас Отто понял, что это был тот самый жандарм, которому он недавно выписал рецепт в обход всех правил. Только сейчас подчиненный Рубика был в гражданской одежде.

- Пустое, - ответил Отто.

- Если вам что-то нужно будет, - жандарм принялся теребить пуговицу на сюртуке, - вы всегда можете на меня рассчитывать.

- Учту.

Над станцией разнесся протяжный гудок.

Поезд наконец-то оповестил о своем скором прибытии.

Толпа снова загомонила, но в этот раз куда веселей.

Безбилетник, воспользовавшись моментом, вырвался и бросился наутек.

- Да что б тебя! – смотритель с удивлением уставился на оставшийся в руке кусок ткани. Догнать шустрого нарушителя не представлялось возможным.

Не утруждая себя прощанием, Отто отошел к краю платформы.

- Стравинский. Моя фамилия Стравинский, – успел сообщить жандарм.

А тем временем из тоннеля вынырнули клубы дыма.

Столпившиеся у края люди радостно приветствовали показавшийся паровоз.

И только один человек смотрел сейчас совсем в другую сторону.

Лысоватый сухощавый мужчина беззастенчиво пялился на Отто.

Снова пронзительно просвистел паровой гудок.

Не отводя взгляда, незнакомец показал доктору язык и сделал шаг вперед.

Прямо под колеса приближающегося поезда.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.